

ПРАВО ПЕРВОЙ НОЧИ
НАСЛЕДНИК КОРОНЯ

Кира Фарди

**Право первой ночи.
Наследник короны**

«Автор»

2026

Фарди К.

Право первой ночи. Наследник короны / К. Фарди — «Автор»,
2026

Ивон думала, что трудности позади. Война закончилась, предатели наказаны, а она - законная жена наследника престола. Сплошной хэппи-энд! Как бы не так! Умерла королева-регент, по дороге в Саторию Ивон потеряла ребенка, и кто-то в столице вспомнил древний закон о скверне. Теперь Ивон нечистая. Ей нельзя в город, нельзя к мужу, а место рядом с ним уже заняла сиротка Амелия - воспитанница королевы. Сорок дней изгнания. Храм в горах, мороз, холод, пустые закрома. И коварные родичи, которые плетут интриги во дворце. Но Ивон не из тех, кто плачет у ворот. Если не пускают в дверь - войдет в окно. Или проломит стену, но вернет свое счастье и жизнь.

© Фарди К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ивон	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4. Арагон	13
Глава 5. Ивон	17
Глава 6	21
Глава 7. Арагон	25
Глава 8	29
Глава 9	34
Глава 10. Арагон	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Право первой ночи. Наследник короны

Глава 1. Ивон

Кортеж двигался на север уже вторые сутки.

Остались позади родные земли Игиари, впереди — сплошная неизвестность, и от этого у Ивон сосало под ложечкой. Дорога, такая славная в первой половине пути, теперь петляла меж невысоких холмов, поросших жухлым кустарником, покрытым инеем. Солнце висело в небе ледяной монетой: светило, но не грело. Зима вступила в свои права по-настоящему, и никто не спросил у Ивон, готова она к этому или нет.

Каждый ухаб отзывался в теле глухой, ноющей болью. Принцесса сидела, привалившись к углу кареты, укутанная в пледы по самый нос, и неподвижным взглядом смотрела на жаровню, где пылали красные угли.

В таком же багровом аду сейчас пылала и ее душа. Казалось бы, едешь за мужем на его родину — радуйся! Но отчего-то радости не было ни на грош. Наоборот, вспоминались трудности, что пришлось пережить в Алании, и внутри все сжималось от нехорошего предчувствия: там ей снова придется не нежиться на перинах, а драться.

Новый приступ тягучей боли охватил поясницу. Ивон машинально начала растирать онемевшими пальцами ноющее место.

«О небеса! Что со мной! Помогите мне сохранить малыша! Не дайте случиться беде!» — молилась она про себя.

Но небесам было плевать. Боль не утихала: волнами опоясывала тело, отдавалась в низ живота спазмами, словно кто-то внутри сжимал кулак и забывал его разжать. Ивон покосилась на няню. Гита спала без задних ног: голова свесилась к плечу, пухлые губы приоткрылись, и она посапывала так безмятежно, что будить ее не хотелось.

Ивон отодвинула шторку на окне и высунула нос наружу. Холодный ветер тут же залез под капюшон, пробрался за шиворот и пустил омерзительный озноб по всему телу. Принцесса передернулась, руки затряслись. Она тоскливо окинула взглядом пространство: холмы кончились, теперь тракт тянулся меж голых полей. Ни деревень, ни людей, ни души — хоть волком вой. А лекаря в кортеже, насколько она знала, не было.

Куда же без трудностей? Судьба ей постоянно подбрасывает на дороге камни.

— Что-то случилось, Ваше Высочество? — рядом с каретой остановился Коснер. — Нужно сделать привал?

— Н-нет, все в порядке, — выдавила сквозь стиснутые зубы Ивон и закрыла окно.

Муж где-то пропал. Он уехал вперед с авангардом еще на рассвете, пообещав вернуться к вечеру, как всегда, занятой до ужаса. Ивон ждала его возвращения с тревогой, которую сама не могла объяснить. Просто тянуло под ложечкой, и все.

Она знала, что должна быть счастлива. Война окончена, Медею увезли под конвоем к отцу, Радмир — в клетке, Арагон не кажется больше ни чужим, ни страшным. Но внутри, там, где последние дни теплилось то странное, пугающее своей новизной чувство, теперь поселилась пустота. Нет, не пустота — тяжесть.

Тупая, вязкая, тянущая.

«Это дорога, — сказала она себе, когда карета в очередной раз подпрыгнула на ухабе и боль внизу живота стала острее. — Это просто дорога. И усталость».

Она переменяла позу, подтянула колени к груди, вжалась в угол. Плед соскользнул, и она почувствовала, как холодный сквозняк пробежал по ногам, заставив кожу покрыться мурашками.

— Гита, — позвала она тихо.

Няня не откликнулась. Ивон не стала будить ее. Она закрыла глаза и попыталась представить жизнь, которая ее ждет впереди. Картинка вырисовалась та еще: роскошный дворец, холодные взгляды, шепот за спиной, лорд Бриан с супругой — эти двое точно венки на ее могилу плетут. И леди Белинда, стерва подлая, от нее одних козней только жди. А еще барышня Амелия — сиротка при матери Арагона, вся из себя скромница и прелестница, а на деле та еще кобра! Мечтает прибрать к рукам Арагона и занять ее место.

«Может, надо было остаться в Кобурне?» — впервые подумала Ивон.

Но сразу отогнала эту мысль прочь. Она столько перетерпела, столько преодолела и все ради того, чтобы сдать на финишной прямой?

Ну уж нет, дудки!

Боль накатила внезапно, острая, режущая, такая сильная, что перехватило дыхание. Ивон сжала зубы, чтобы не закричать. Она попыталась вдохнуть — воздуха не хватало. В глазах потемнело, карета качнулась, и сознание начало расползаться по швам.

— Гита, — прохрипела она, хватая няню за руку. — Мне... плохо.

Гита открыла глаза и в ту же секунду побелела как мел. Но смотрела не на Ивон — на плащ. На ткани расползлось темное, густое пятно.

— Господи, — прошептала Гита и закрестилась мелко и так часто, словно отгоняла бесов. — Господи, помилуй... Что же это? — взвизгнула она истошно: — Стойте! Немедленно остановитесь! Ее Высочеству плохо!

— Гита, з-зачем, — только и выдавила Ивон, но новый приступ накрыл с головой, и слова растворились в черной пульсирующей мути.

Карета дернулась, затормозила, послышались крики снаружи, топот копыт, но Ивон уже почти ничего не понимала. Ее вынесли на руках, и мир разлетелся на осколки: яркое, ненавистное солнце било прямо в глаза, чьи-то сапоги мелькали в такт шагам, и лицо Коснера плыло где-то сверху, перекошенное от страха.

— Арагон... — прошептала Ивон пересохшими губами. — Где он?

Ей не ответили, уложили на что-то жесткое, понесли — ноги безвольно болтались, руки свесились плетями, и кто-то взял их, осторожно сложил на груди.

«Я умираю?» — пронеслась паническая мысль, когда боль вдруг отступила, оставив после себя странную, звенящую пустоту.

Но она вернулась. Вернулась с новой силой, скрутила, сломала, размазала. Ивон закричала, запрокинув голову. И крик этот застыл в морозном воздухе, когда реальность растворилась окончательно, оставив только боль, темноту и чей-то далекий голос, зовущий ее по имени.

Друзья!

Новая книга нуждается в поддержке. Откладывайте ее в библиотеку, ставьте лайки. Самым преданным читателям, которые комментировали историю постоянно, я дам промокоды на вторую часть, когда открою подписку. Для этого напишите мне в личные сообщения на сайте.

Глава 2

Ивон очнулась в темноте. Сначала вообще не поняла, где находится: то ли в гробу, то ли в погребке, то ли жизнь уже закончилась и ее отправили в самое дешевое предбанное отделение ада. Потом глаза привыкли к полумраку, и она разглядела брезентовые полотна шатра, а в щель между ними — оранжевые всполохи костра.

Жива, будь оно все проклято!

Боли не было. Вообще. Только слабость, да такая, будто из нее вынули все кости, перемешали с грязью и запихали обратно кое-как. Ивон попыталась поднять руки — получилось. Удержать их на весу — нет. Руки упали обратно на одеяло, как две дохлые рыбы. Она лежала на каком-то возвышении, укутанная до самого носа в шкуры и пледы. Тепло, черт возьми! Даже слишком.

Ивон откинула жаркое укрытие, вдохнула полной грудью свежий воздух, наполненный запахом дыма.

«Я жива!» — пронеслась первая мысль, и в кровь ударила такая радостная волна, что голова закружилась.

Жива, и это уже победа. Остальное — мелочи.

— Гита, ты здесь?

— Очнулась, моя девочка? — лицо няни выплыло из темноты, освещенное снизу свечой. Гита выглядела так, будто ее пропустили через мясорубку: глаза красные, нос распух, лицо в каких-то разводах.

— Что со мной случилось?

Ивон хотела сесть, но сил хватило ровно на то, чтобы приподняться на локтях, да и те сразу же задрожали. Тогда она снова легла, положила ладонь на живот, прислушалась. Там было тихо. Пусто. Спокойно. Слишком спокойно.

— Моя девочка, — Гита всхлипнула, села на край ложа, замялась, отводя взгляд. — Я даже не знаю, как тебе сказать...

— Говори как есть. Я не сахарная, не растаю.

— Ваше Высочество, вы, — услышав официальное обращение от служанки, Ивон насто- рожилась. — Вы потеряли ребенка.

Ивон моргнула. Секунду смотрела на няню, потом на свои руки, потом снова на няню. Странное дело — шока не было. Вообще никакого. Только тихое, ледяное «ага, понятно», как будто ей сообщили, что на завтра ожидается дождь. Может быть, она уже где-то в глубине души знала, что так случится? Может, тело поняло это раньше, чем голова?

— Совсем потеряла? — переспросила она и по ошарашенному взгляду Гиты поняла, что ляпнула что-то несусветное.

— С-совсем, — пробормотала няня.

— Я могу на него посмотреть?

И опять тот же странный взгляд, словно она спрашивала о том, что не должна.

— Так нет его. Срок же был маленький, он еще не успел... того... — забормотала Гита, но тут же встряхнулась и затараторила: — Это нестрашно. Вы с господином генералом молоды, полны сил. Немножко восстановишься и забеременеешь снова, вот увидишь!

Но Ивон слушала няню отстраненно. Она даже не понимала, жалеет о случившемся или нет: просто не привыкла еще думать, что станет матерью, кроме утреннего недомогания, не чувствовала ничего. Иногда даже думала, что нет никакой беременности, а Гита сделала из ее рядовой месячной задержки трагедию мирового масштаба.

«Значит, так надо, — подумала она жестко. — Не судьба. Не время».

Мысли уже побежали дальше, холодные и расчетливые. Не о ребенке, а о том, как его потеря повлияет на отношения с мужем, на ее положение и безопасность. Малыш был не просто будущим наследником престола — это был якорь, страховка, билет в спокойную жизнь. Без него она снова становилась уязвимой. И это бесило до зубовного скрежета.

— Генерал знает? — спросила она ровно.

— Д-да, ему уже сообщили.

— И где он?

Ивон села, свесила ноги с ложа. Тело наливалось слабостью, как свинцом, но слушалось. Она попыталась встать, опираясь на руку няни — ноги затряслись, но она устояла. Плевать. Она не собиралась разваливаться тут в позе немощной страдалицы.

— Моя девочка, тебе еще нужно полежать, отдохнуть. Лекарь сказал, пару дней точно нельзя в дорогу.

— Где мы? Сколько прошло времени? Откуда появился лекарь?

— Генерал его привез.

«Ага, значит все же Арагон беспокоился обо мне!» — удовлетворенно подумала она и посмотрела в щель между полотнами брезента.

Там было темно, только костер чадил.

— Сейчас вечер. Ты почти сутки была без сознания. Мы в двадцати лигах от границы, пришлось вернуться к последнему постоялому двору.

— Черт, — выдохнула Ивон. — Где Арагон?!

— Я здесь.

Голос раздался снаружи, и через миг полог шатра откинулся, и вошел генерал. Его глаза блестели в свете свечей, которые Гита уже разожгла по всему шатру. Но выглядел муж уставшим и изможденным, будто он сам не спал все это время. Сердце Ивон затрепыхалось в груди. От первой реакции мужа зависела ее судьба. Он мог развернуть ее в сторону Игиари и отправить в Сиету, как ненужный теперь хлам, а мог...

Арагон остановился в двух шагах, пристально посмотрел на Ивон. Она замерла, боясь выдать мысли, бушующие в голове.

Муж долго молчал. Смотрел и молчал. А потом сделал шаг вперед, осторожно взял ее за плечи, притянул к себе, так бережно, будто она могла рассыпаться.

— Как ты? — спросил тихо, уткнувшись носом в ее макушку.

— Жива.

Ивон не отстранилась, но и не расслабилась. Она чувствовала тепло его рук, слышала, как бьется его сердце — часто, тревожно, и слезы нежности наворачивались на глаза.

— Я рад, — Арагон поцеловал ее в лоб, набрал в легкие воздуха, словно что-то хотел сказать, но она перебила:

— Я хочу уехать отсюда. Сегодня.

Арагон отстранился, посмотрел ей в глаза. В его взгляде мелькнуло что-то — удивление? Недовольство? Или облегчение, что она не раскисла?

— Ты с ума сошла. Лекарь сказал...

— Плевать, что сказал лекарь. — Ивон выпрямилась, насколько позволяли силы. — Я не собираюсь торчать в этой дыре, пока королева Элеонора лежит одна в часовне и ждет нас. Я и так виновата перед ней, что задержала тебя.

— Ивон...

— Ничего со мной не случится. Я доеду.

— Но до Алании еще далеко.

— Арагон. — Она посмотрела на него в упор. — Я не стеклянная. Что подумают твои родственники и чиновники, если жена наследника не появится на похоронах? Решат, что я высокомерна и игнорирую знать Сатории.

Арагон молчал и так крепко сжимал ее плечи, что Ивон боялась: останутся синяки на коже. Она видела, как ходят желваки на его челюстях. Видела, что он хочет сказать «нет», запереть ее в этом шатре, приставить стражу, сделать так, как удобно ему. Но он же знал: с ней этот номер не пройдет.

— Ты всегда была упрямой душой, — сказал он наконец.

— Я знаю. Так мы едем?

— Едем, — выдохнул он, сдаваясь. — Но если тебе станет хуже...

Гита охнула где-то сзади и рванула к Ивон, но Арагон наградил ее таким взглядом, что няня мгновенно испарилась в тени, будто ее и не было. Ивон даже услышала, как та шепчет где-то за спиной: «Господи, спаси и сохрани мою девочку от этого окаянного...»

— Не станет. А если станет, ты женишься на барышне Амелии, как хочет твоя мать.

Арагон замер. Посмотрел на нее так, будто она только что сообщила, что небо — зеленое, а солнце — квадратное.

— Что еще за Амелия? — вытаращил он глаза.

Ивон едва удержалась от смеха. Ну, вот это сюрприз. Будущий правитель Сатории даже не в курсе, что его мамаша уже давно подобрала ему замену, так, на всякий случай. Миленько.

— О, так ты еще не знаешь? — спросила она самым невинным тоном, на который была способна.

— Погоди, погоди, ты говоришь о девочке, дочери подруги, которую взяла на воспитание матушка? Так, она же...

— Я и забыла, что ты давно не был дома, — усмехнулась Ивон, а в душе разлилась полынная горечь, даже вкус полыни появился во рту. — Та девочка превратилась в прелестную девушку.

— Ерунда все это! Я уже женат, — резко ответил Арагон и вышел, хлопнув пологом шатра так, что бедная Гита, которая как раз застыла у той стены, чуть не осталась без носа.

Одеваясь, Ивон слышала сквозь ворчание Гита, как муж отдавал приказы. Его голос рокотал и грохотал, звучал так, как будто он злился. Но Ивон понимала, что злится он не на нее, а на мать, и даже жалела, что сказала ему о ее планах. Становиться яблоком раздора в семье она несколько не хотела.

Через час кортеж снова тронулся.

Дорога до Алании заняла двое суток. Ивон ехала, лежа на скамье у стены кареты, закутанная в меха и пледы, как мумия. Она еще чувствовала слабость, боль иногда возвращалась короткими, но мерзкими спазмами. Гита поила ее отварами, квохтала над ней, как наседка, но Ивон терпела. Она вообще многое терпела в этой жизни — еще чуть-чуть погоды не сделает.

Арагон почти не отходил от кареты. То ехал рядом на коне, то забирался внутрь, молча сидел рядом и смотрел на нее тяжелым, потерянным взглядом. Ивон знала, что он чувствует себя виноватым. Виноватым за то, что набросился на нее при первой встрече. За то, что она забеременела и потеряла ребенка из-за шока и переживаний. За то, что он уехал вперед, оставив ее разбираться одной в самый мучительный момент.

Но она не собиралась его утешать. Он генерал. Человек, выигравший не одну битву, видевший смерть, горе, предательство. Он справится. А если не справится — его проблемы. А у нее своих хватает.

Они добрались до Алании на рассвете третьего дня. Город открывался с холма — серый, огромный, мрачный, с острыми шпилями и толстыми стенами, которые помнили не одну войну. Даже издали были видны приметы траура, окутавшие столицу, словно саваном. Над воротами трепыхались на ветру черные, наполовину приспущенные, флаги с серебряной короной, а на зубцах горели погребальные факелы. Вокруг царила неестественная тишина. Где-то вдалеке, в центре города, мерно и скорбно гудел колокол — один удар за другим.

Ивон бросило в дрожь, она зябко поежилась.

Кортеж замедлил ход, подъезжая к главным городским воротам. Ивон увидела, как стражники в черно-серебряных доспехах выстроились поперек дороги — копья наперевес, лица непроницаемые. На стене в ряд стояли лучники, готовые к бою.

— Опять? — вскрикнула Гита и посмотрела на принцессу, но голос ее дрогнул при виде траурных знамен.

Ивон промолчала. Ситуация до мелочей напоминала ее первый визит в Аланию, разве что вместо проливного дождя дорога была покрыта ледком и снегом. Но тогда она была чужой принцессой, дочерью ненавистного врага, а сейчас — законная жена будущего короля.

Поведение городской стражи удручало и вызывало недоумение. Дворец должен был выслать вперед приветственный отряд гвардейцев, встретить Арагона, победившего противника, трубами, знаменами и почестями.

И где, черт возьми, все это? Она видела, как Коснер отправлял сокола с новостями, знала, что гонцы докладывают в столицу о каждой лиге пути кортежа.

Но сейчас перед глазами Ивон происходило что-то неправильное.

Глава 3

Капитан караула вышел вперед, поднял руку, приказывая остановиться. Он не отдал честь генералу, не поклонился, вообще старался не смотреть ему в лицо.

— Что происходит? — Арагон осадил коня и подъехал к страже. Она тут же скрестила копья.

Его голос не грохотал раскатами — он был холоден, как лезвие клинка. Ивон знала это его состояние: чем тише он говорил, тем ближе была буря.

— Ваше Превосходительство, — начал командир осторожно.

«Превосходительство? Не Ваше Высочество? — встрепелась Ивон. — Как это понимать?»

— Что ты мелешь, смерд?

Конь Коснера мгновенно оказался возле капитана. Полковник вытащил меч и приложил его к шее стражника. Тот побледнел, но продолжил, заикаясь:

— П-примите указ. Въезд в столицу вашему к-кортежу... 3-запрещен.

Вот теперь командир склонился и протянул Арагону пергамент, свернутый в трубочку и украшенный золотыми кистями, скрепленными королевской печатью.

«Печать? — насторожилась Ивон. — Кто посмел коснуться символа власти? Или случился переворот?»

От этой мысли холодок пробежал по спине принцессы. Но Арагон не взял свиток, только посмотрел на него тяжелым неподвижным взглядом и спешился. Его сапоги хрустнули по ледяной корке.

— Указ? Мне? От кого?

— От принца Бри... — капитан не договорил.

Арагон шагнул вперед, и стражник попятился. Лицо наследника ничего не выражало — только глаза стали черными колодцами, в которых тонул свет.

— Я — наследник престола Сатории, — сказал он так тихо, что Ивон пришлось напрячь слух. — Моя бабушка, королева Элеонора, мертва. Я еду проститься с ней и принять дела. И какой-то принц Бриан, которого я даже не помню в очереди наследования, смеет мне указывать?

Капитан побледнел, упал на колени и воздел руки со свитком.

— Простите, Ваше Высочество. Я лишь выполняю приказ регентского совета. Его Высочество Бриан назначен временным правителем до вашего возвращения. И он распорядился...

— Он что? — перебил Арагон. В его голосе появилось что-то опасное, звериное.

— Он распорядился, чтобы вы въехали в город через северные ворота, они ближе к часовне. Одни. Без свиты. И без... — капитан бросил взгляд на карету Ивон, — без супруги.

Ивон судорожно выдохнула, Гита пискнула и закрыла рот ладонью. Ее пухлое лицо побледнело, глаза стали по полтиннику и наполнились влагой.

Приехали! Ивон откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

— В связи с чем такой приказ? — спросил Арагон, и голос его прозвучал тихо, почти ласково — верный признак того, что гнев переполняет его, и он едва сдерживается.

Капитан опустил глаза:

— Принц Бриан сослался на древний закон Сатории, Ваше Высочество. Закон о скверне.

Арагон замер. Ивон видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимавшие рукоятку меча.

— Какой еще закон? — Арагон почти шептал.

— В траурные дни, — капитан говорил, глядя в землю, — никто, на ком есть следы крови и смерти, не может переступить порог королевской часовни. Это оскверняет покой усопшей

и гневит богов. Ее Высочество принцесса... она потеряла дитя в пути. По закону она нечиста сейчас и не имеет права приближаться к телу королевы Элеоноры, пока не пройдет сорок дней.

Ивон невольно посмотрела на свои бледные, дрожащие, но совершенно чистые руки. Никакой крови она на них не видела, но Гита говорила, что пятно на плаще было огромным.

«Значит, теперь я грязная, — усмехнулась она про себя. — Недостойная стоять рядом с гробом. Осквернительница своим выкидышем испортит церемонию».

Она вдруг остро почувствовала, как ловко принц Бриан все обернул. Нельзя убить — закрой доступ к телу. Нельзя изгнать — объяви нечистой. Пусть сидит в карете у ворот, дрожит на холоде, пока вся знать злословит за ее спиной.

И самое подлое — закон-то действительно существовал. Ивон вспомнила: в Игиари тоже было нечто подобное, но давно забытое. А здесь о нем вспомнили. Очень вовремя.

— Это не Бриан придумал, — тихо сказал он, и в голосе сквозило такое бешенство, что Ивон невольно поежилась. — Это мать. Ее рук дело. Только она могла вытащить из пыли эту древнюю дрянь.

Ивон смотрела на мужа, на его сжатые кулаки, на побелевшие губы, и понимала: он ничего не может сделать. Закон есть закон. Даже наследник не посмеет его нарушить — иначе его самого отлучат от похорон.

— И что я должна делать эти сорок дней? — спросила она неожиданно для себя спокойно.

— Молить прощения у богов в храме Солнца. Там вы пройдете обряд очищения.

— В храме Солнца? — вскричал Арагон. — Он же находится далеко в горах.

— Простите, Ваше Высочество, — вжал голову в плечи капитан. — Я лишь передаю вести.

«Сорок дней, — прикидывала она. — Они хотят, чтобы я сорок дней проторчала в глуши, пока меня не объявят чистой. А это время Амелия будет крутиться рядом с Арагоном, леди Белинда плести интриги, а Бриан закрепляться у власти».

Она медленно выдохнула, ущипнула себя за запястье, чтобы не разреветься.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Я подожду.

— Ивон... — начал Арагон.

— Ты должен проститься с бабушкой. Иди. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — А я сама разберусь, не волнуйся.

Она не знала, как именно, но знала одно: она не будет сидеть сложа руки сорок дней. Она — Ивон из Игиари. И если путь во дворец закрыт, она найдет другую дверь. Или проломит стену.

Глава 4. Арагон

Ярость горячей волной залила сознание Арагона, и он бросился на капитана. Тот переменялся в лице, будто уже увидел свою смерть.

— Нет! — закричала в окно кареты Ивон.

Миг — и она уже слетела по ступенькам, встала между ними, раскинув руки.

— Уйди! — рявкнул Арагон.

Он схватил ее за плечи, хотел отодвинуть, но замер: в голосе этой маленькой принцессы прозвучало что-то такое, отчего даже ему, генералу, стало неуютно. Он чувствовал, что не контролирует себя. Десять лет он защищал эту страну. Десять лет крови, пота и грязи. А по возвращении — запертые ворота. И какая-то мразь, которая ни разу не нюхала пороха, указывает ему, что делать и куда ехать.

Но Ивон держала его за руки. Крепко. Не давала выхватить меч и смотрела так, что он тонул в ее умоляющих глазах.

Ярость схлынула, как будто ведро холодной воды вылили на голову. И пришло понимание: мир изменился. Пока он воевал, здесь, во дворце, сплели паутину. И победить дядю и его приспешников можно не мечом — умом. Тактикой. Стратегией. Тем, что он умеет лучше всех.

Он окинул взглядом свой отряд. Потом стены, ворота, лучников. Вступать в бой? Смешно. Их перестреляют, как куропаток.

— Я справлюсь, — сказала Ивон, и голос у нее был такой, будто это она его защищает, а не наоборот. — Со мной Гита и... — кивнула на Коснера, — полковник.

Она обняла мужа. Прижалась к нему всем телом. Маленькая, с виду беззащитная, но Арагон-то знал, сколько в ней силы. Этой чужачке из Игиари не занимать твердости характера и воли.

— Береги ее, — сказал он другу. — Я не буду ждать сорок дней. Провожу королеву — и сразу к вам. Время изгнания проведем вместе.

Он поцеловал ее. При всех. Наплевать на стражу, на закон о скверне, на перешептывания. Посадил в карету, вскочил на коня и сразу пустил Грома в галоп. Топот копыт за спиной, морозный ветер в лицо. Только скорость и спасала от злости и тревоги.

У Северных ворот его уже ждали: стоял королевский экипаж, топталась свита. Склоненные головы, приветствия Арагон воспринимал отстраненно. Он спешил и пересел в карету.

Та понеслась по столице на всех парах. Обычно Алания гудит, как улей. А тут — тишина. Лавки закрыты. Рынки пусты. Таверны не пахнут жареным мясом и похлебкой. Даже трактирщики куда-то попрятались. Редкие прохожие, завидев карету, шарахались в подворотни быстрее, чем от чумы.

В часовне было холодно, как в склепе. Он ступил на черный мраморный пол, и шаги его гулко разнеслись под высокими сводами. Тысячи свечей горели вокруг гроба и вдоль стен, но их свет не рассеивал мрак, только делал тени глубже, а лица людей — мертвеннее.

Он остановился у входа и окинул зал беглым взглядом. Вся знать Сатории в сборе. Одни скорбят искренне. Другие из приличия. А третьи разведывают ситуацию, боясь упустить место в новой расстановке сил.

Справа, у колонн, стояли генералы и офицеры. Старые волки, с которыми он делил и победы, и поражения. Слева — церемониймейстеры в черных балахонах. Дальше — магистры и купцы. Эти вообще не скрывали любопытства: зеваки, пришли поглазеть.

В первом ряду склонилась в поклоне мать. На леди Белинде черное платье, в руке — кружевной платочек. Серебряный венец украшает безупречную прическу — волосок к волоску. Не плачет.

«Королевы не плачут на людях» — в детстве он слышал эту фразу раз сто. На лице матери нет скорби, лишь усталость. Такое выражение бывает у женщины, которая мечтает скинуть корсет, упасть в кресло и глотнуть горячего вина.

Рядом с матерью стоял дядя Бриан. Пухлое лицо сияло благородной бледностью, а казалось, будто его пудрой обсыпали. Арагон едва удержался, чтобы не подойти и не мазнуть по щеке ладонью, смахнуть это театральное страдание.

Генерал не верил ни в печаль дяди, ни в его искренние переживания, но отметил, что принц стоял на том месте, которое по праву принадлежало ему — наследнику.

За Брианом пряталась его женоушка, леди Жизель, худая и бледная, как мышь. Выглядела она подавленной. А дальше, во втором ряду, среди юных дев и невесток, Арагон заметил свежее, прелестное личико. Большие, печальные глаза полны слез. Руки на груди сложены: прямо икона, а не девица.

«Кто это? — подумал он. — Амелия?»

Точно, она. Девчонка, которая вечно лезла в игры принцев, доводила братьев до бешенства, а потом бежала ябедничать его матери. Капризная и подлая дрянь. Он скривился: вид красавицы вызывал лишь раздражение.

Церемониймейстер шагнул навстречу:

— Ваше Высочество, прошу сюда.

Теперь все взгляды были обращены на него. Дворяне перешептывались, и он прекрасно знал, о чем. Но ему было на это совершенно наплевать.

Арагон опустился на колено перед гробом бабушки.

Теперь — только ритуал, только долг и прощание с той, кто верила в него больше, чем его собственная мать. А потом он уедет за Ивон. И пусть кто-нибудь попробует его остановить!

Ему подали кадило. Ему подали золотое кадило. Он трижды обнес его вокруг гроба, размахивая цепью так, чтобы дым стлался по полу. Потом — чашу с освященной водой. Окропил саван. Потом — зажженный факел. Он сделал круг, поклонился.

Ритуал был долгий. Каждое движение расписано на сотни страниц церемониймейстерами, которые давно сгнили в земле. Арагон делал все, что требовали, но душой был не здесь, а в карете рядом с Ивон.

— Покл-о-о-о-н! — разнеслось под сводами. — Покл-о-о-о-н!

— Ты должен еще раз поклониться, — кто-то тронул его за рукав.

Арагон покосился через плечо. Скинул пальцы дяди, как назойливых насекомых, скривил презрительно губы.

— Без вас как-нибудь разберусь.

Гроб опустили в королевскую усыпальницу. Двери закрылись с глухим стуком.

Арагон развернулся и пошел к выходу.

— Ваше Высочество, вы куда? — преградила ему путь мать. — Вы не можете сейчас покинуть дворец.

— Еще как могу! — сквозь зубы процедил он. — И вы меня не задержите.

Но леди Белинда вцепилась в рукав его мундира мертвой хваткой и зашептала:

— Сынок, нельзя. В тронном зале ждет Совет чиновников. Или ты хочешь, чтобы Бриан завладел тронном?

— Мне все равно.

Арагон дернулся, но мать вцепилась в рукав так крепко, что без скандала невозможно было ее оторвать. Он просто равнодушно наблюдал, как зная покидает часовню и течет мимо него двумя ручьями. Одни видели, что назревает ссора, и стремились поскорее убраться восвояси, другие норовили задержаться, желая поймать его взгляд, поклониться и на всякий случай засвидетельствовать почтение.

Леди Белинда тоже терпеливо ждала, пока схлынет основной поток людей. Когда в часовне остались только распорядители и свита, ждавшая их у выхода, она сказала вполголоса:

— Ты наследник короны! Сражался за нее столько лет. Как тебе может быть все равно?

— Матушка, — Арагон наклонился к леди, та невольно отшатнулась. — Чья была идея, не пускать мою супругу в столицу?

Щеки леди Белинды слегка порозовели, она отвела взгляд, но тут же высоко подняла голову, украшенную тяжелым венцом. Сейчас она выглядела настоящей королевой.

— Какая она тебе супруга? Где обряд?

— Был произведен по всем правилам.

— Где свидетели этого события?

— Секретарь бабушки Вальтер.

— Ах, оставь это! Вальтер ушел следом за своей королевой!

Кружевным платочком мать вытерла несуществующие слезы в уголках глаз.

— Как ушел? — в голове генерала замесились мысли. — Еще недавно он был полон сил.

Тяжелое предчувствие шевельнулось в груди. Неужели дядя и до секретаря добрался?

— Где атрибуты королевской власти? Где кольцо? Где венец? Где подпись в храмовой книге? — голос леди Белинды становился все выше и звонче.

— Все это есть, — устало ответил Арагон. — И вы это знаете. А теперь отпустите.

Он дернул рукой, высвобождаясь из материнской хватки, и развернулся к выходу.

— Ты не посмеешь! — крикнула ему вслед леди Белинда. — Я запрещаю! Я — твоя мать! Я не давала согласия на твой брак.

Арагон не обернулся. Он шагнул к дверям часовни, с каждым шагом ускоряясь.

— Стража! — вдруг выкрикнула леди Белинда. Голос ее прозвенел под сводами, потеряв всякую мягкость. — Выполняйте приказ!

Арагон не успел даже обернуться.

Тяжелый удар пришелся в затылок. Мир вспыхнул белым, потом погас. Он почувствовал, как подкашиваются ноги, как мраморный пол летит навстречу, но удара не последовало — чьи-то руки подхватили его под мышки.

Последнее, что он услышал, прежде чем сознание угасло, был голос матери:

— Отнесите его в покои. И проследите, чтобы до утра он не вышел. Ни под каким предлогом.

Он пришел в себя не сразу.

Сначала была темнота, густая, вязкая, как смола. Потом — пульсирующая боль. Она растекалась от затылка по всей голове, заставляя каждый удар сердца отдаваться в висках глухим звоном.

Арагон открыл глаза и сразу увидел знакомый потолок. Легкая лепнина, розетки по углам, фрески с летящими ангелами и драконами. Его детская спальня. Он лежал на пуховых подушках и шелковых простынях, укрытый тяжелым одеялом из медвежьих шкур.

Все знакомо и привычно.

И все — не так.

Он лежал неподвижно, прислушиваясь к себе. Голова гудела. Затылок саднил. Под пальцами, когда он осторожно провел рукой, нащупалась запекшаяся корочка. Кровь. Значит, удар не приснился.

Ну мать! Ну леди Белинда!

Раз так быстро его отключила, значит, спланировала заранее. Ни один страж не посмел бы ударить наследника престола без высочайшего приказа.

Арагон медленно повернул голову, боясь усилить боль. В кресле у двери сидел стражник с квадратным лицом наемника или тюремщика. На коленях удобно лежал арбалет.

— Доброе утро, Ваше Высочество, — сказал охранник. — Леди Белинда велела передать: до завтрашнего утра вам нужен покой.

Арагон не ответил. Он смотрел на тяжелую дверь. Закрыта. Скорее всего заперта. Окна зашторены, но он помнил, что за ними нет решеток.

Или уже есть? Он десять лет не был дома.

— Сколько я спал?

Голос прозвучал хрипло: в горле пересохло, язык прилипал к нёбу.

— Часа четыре. Могли бы и дольше. Леди велели не беспокоить.

— Совет уже прошел? — Арагон приподнялся на локтях, и голова снова загудела. — Что решили?

Охранник помялся, отвел взгляд. Потом все же ответил без выражения, как заученную фразу:

— Его Высочество принц Бриан провел заседание.

— Чем оно закончилось?

— Временное регентство остается за Его Высочеством до особого распоряжения.

— Какая чушь! И советники за это проголосовали?

— Д-да, большинством. Вы же на совет не явились.

Каждое слово падало в тишину, как камень в колодезь. Арагон слушал и не верил. Вернее, верил. Потому что другого и не ожидал.

«Бабушка скончалась, Вальтер тоже, — думал он, в горле саднило так, словно там нечисть огонь развела. — Надо выяснить, в чем причина этих скоропостижных смертей».

Он перевел взгляд на столик у ложа. Там стоял кувшин с вытянутым горлышком, покрытый каплями влаги. Рядом — кубок.

Вода. Свежая, холодная. Он представил, как она течет по горлу, и жажда стала невыносимой.

— Пить, — сказал он, кивнув в сторону столика. — Подай.

Охранник подошел к столу, налил воды в кубок и принес его Арагону.

Тот сделал глоток. Вода оказалась ледяной, но это было приятно. Он выпил все до дна.

— Еще? — спросил охранник, забирая кубок.

Арагон покачал головой, откинулся на подушки. Тело налилось тяжестью, глаза слипались. Он хотел бороться со сном, думать, строить планы, но сознание уплывало.

«Никого, — подумал он уже сквозь дремоту. — Во дворце ни друзей, ни верных людей. И даже собственная матушка против меня. Я — пленник в собственном доме».

И в этом было что-то до странного смешное. Он прошел тяжелых десять лет, его имя заставляло дрожать врагов, и вот финал.

Глава 5. Ивон

Карета грохотала колесами по ухабистой дороге и тряслась как в лихорадке. Гита стонала и держалась за живот: ее все время тошнило. Иногда приходилось останавливаться и делать передышку, потому что не выдерживала тряски и Ивон.

На путешествии по такой плохой дороге настоял командир конвойного отряда. Принц Бриан и леди Белинда не только выслали Ивон из столицы, но и постарались сделать ее отъезд максимально тяжелым и публичным.

Ее карету украсили траурными лентами с красной каймой — символом скверны. Горожане воздевали руки к небу при виде экипажа и прятались в подворотнях.

— Почему они себя так ведут? — удивилась Ивон.

— На площади висит указ регентского правительства. Кто нарушит его, сам попадет под закон о скверне, — ответил Коснер.

— Какая дремучая страна! — возмутилась Гита. — У нас этот закон давно забыт.

— У нас тоже. На моей памяти ни разу о нем не вспоминали.

«Это все политические козни, борьба за власть», — подумала с грустью Ивон, но вслух ничего не сказала.

Коснер старался изо всех сил создать максимально комфортные условия принцессе и, несмотря на сопротивление командира конвоя, потребовал остановки на ночь на придорожном постоялом дворе. Сюда приехали уже в темноте. Измотанная дорогой принцесса лежала в карете и так устала, что не воспринимала реальность. Коснер помог ей подняться в комнату, и она упала, не раздеваясь, на кровать.

— Сколько нам еще ехать? — со стоном спросила утром няня.

Ивон уже умылась, в ожидании завтрака стояла у окна и разглядывала горы, нависавшие со всех сторон. Гигантские каменные исполины сжимали долину тесным кольцом. Их вершины и верхние склоны были щедро укрыты снегом, который в утреннем свете отливал холодной синевой. В мрачных, заснеженных ущельях еще пряталась ночная тень, зато городок внизу сиял под солнечными лучами.

Ивон разглядывала длинную улицу, тянувшуюся по обеим сторонам тракта, людей, торопившихся по своим делам, а в душе разливалась такая тоска, что хотелось быть волком.

— Я хочу прогуляться, — вдруг решила она. — Надеюсь, здесь никто не знает о проклятом законе?

— Мы приехали ночью...

— Вот и отлично! Я надену плащ няни, чтобы меня не узнали.

— Моя госпожа, а завтрак? — всполошилась Гита, но принцесса остановила ее жестом.

— Я скоро вернусь, только осмотрюсь немного. Помоги мне!

С помощью служанки она переделалась в скромное платье, сделала простую прическу, надела теплый плащ с глубоким капюшоном. Сейчас она не отличалась ничем от местных женщин, поэтому смело спустилась в обеденный зал и пошла к выходу. Командир конвоя, высокий, мощный воин с квадратным подбородком преградил ей дорогу.

— Ваше Высочество...

— Не называйте меня так, — тихо попросила Ивон. — Я просто прогуляюсь по городу.

— Нельзя! Закон гласит...

— Что «нечистый» человек не может переступить порог храма, часовни или другого сакрального места. Считается, что его присутствие оскверняет святыню, гневит богов и может навлечь беду на усопшего или живых, — закончила за него Ивон. — Я изучила этот вопрос в дороге.

— Вы сами все сказали.

— А как же храм, куда вы меня везете? Это тоже сакральное место. Разве в нем я не оскверню святыню?

Квадратная челюсть командира дрогнула, он бросил растерянный взгляд на Коснера, стоявшего рядом с Ивон. Она видела боковым зрением ухмылку, мелькнувшую на губах полковника, и тоже мило улыбнулась.

— Храм специально создан для очищения, — нашелся с ответом командир.

— Не волнуйтесь... — Ивон коснулась рукава мундира и спросила: — Как вас зовут?

— Роден, к вашим услугам, госпожа, — склонился в поклоне тот, но сделал шаг назад.

— Не волнуйтесь, Роден. Я ни к чему больше не прикоснусь. В вашей стране я никого не знаю, не сбегу, да и бежать мне некуда: вокруг одни горы.

Это было последнее поселение перед подъемом к храму, достаточно людное и большое. Ивон надеялась хотя бы глазком увидеть Эйнаха, понять, следует ли его отряд за ней. Гита еще в столице отправила голубя с вестями Эйнаху. Но, к сожалению, командир ни разу не дал о себе знать. Оставалось только гадать, получил он сообщение или нет.

— Куда вы хотите пойти? — раздался голос за спиной.

Ивон оглянулась: полковник стоял рядом. Его пальцы сжались на рукоятке меча, взгляд без остановки перебегал с одного прохожего на другого.

— Меня здесь никто не знает, занимайся своими делами.

— Нет. Я видел людей из клана Варраванов в пути. Их земли неподалеку. Они не простят генералу арест вождя, а уж вам тем более.

— И чем я навредила клану Варраванов? — удивилась принцесса, но отказываться от сопровождения не стала.

— Вы сорвали коварные планы принца Бриана, рассказав генералу свою версию событий десятилетней давности.

«Ага, — думала Ивон, шагая по улице, заполненной жителями городка. — Получается, я мешаю не только матери Арагона, но и его дяде».

Горожане двигались в одном направлении, Ивон не стала сопротивляться потоку. Улица вывела их к большому рынку. Такого количества лавок, лотков, магазинчиков, постоянных дворов и таверн Ивон еще не видела. Казалось, все население Сатории торговало здесь.

Ивон остановилась, раздумывая, куда пойти в первую очередь, и вдруг сзади раздался крик:

— Дорог-у-у-у...

Она обернулась: прямо на нее мчался огромный черный конь.

Принцесса вскрикнула, закрылась от неминуемого столкновения руками, и в тот же миг кто-то сзади схватил ее за плечи и рванул назад, прямо на землю. Всадник на черном коне промчался мимо, задев копытом подол ее плаща, а над ухом прозвучал знакомый голос:

— Жива?

— Ж-жива, — пробормотала Ивон и села. — Что это сейчас было?

Капюшон слетел с головы, светлые волосы рассыпались по лицу. Она откинула их назад, посмотрела вслед всаднику, но тот уже скрылся за поворотом.

— Сынок нашего губернатора развлекается, — ответил кто-то. — Любит, мерзавец, пугать хороших барышень.

— Точно. Может еще и кнутом по спине огреть.

— Тихо, молчи! — шикнули на него.

Принцесса люди, собравшиеся вокруг, уже начали расходиться. Коснер помог ей встать, отряхнул плащ, надел капюшон на голову.

— Нам лучше вернуться на постоянный двор. Здесь опасно.

— Нет! Я останусь. Неизвестно, сколько еще придется просидеть взаперти.

Происшествие на дороге не испортило ей настроения. Наоборот, Ивон взбодрилась. Сейчас она чувствовала себя намного лучше. Болей не было, тошнота отступила, начали возвращаться силы и бодрость духа.

Она с любопытством оглядывалась, принималась, подбегала то к одному, то к другому лотку, чтобы попробовать товар. За время пути так надоели постоянное недомогание однообразная еда, что принцесса почувствовала зверский аппетит.

— Откуда здесь такое богатство? Страна же разорена войной.

— Сюда она не добралась. Люди сохранили земли, урожаи и мужское население.

— Клан Варраванов не посылает солдат на войну?

— Только хорошо обученных добровольцев. Радмир сумел воспитать сильное войско. Не зря принц Бриан за него так держится.

— Я была в Алании всего пару недель назад. Столица Сатории живет весьма скромно. Да и во дворце при королеве Элеоноре не пиршествовали.

— Отсюда все и везут в столицу. В долинах, закрытых от холода скалами и утесами, бьют горячие источники. Здесь плодородная почва. Урожаи с полей собирают два раза в год, сады плодоносят до заморозков.

— Ого! — Ивон подбежала к лотку, торговавшему маленькими красными фруктами. — Это что?

— Это ранетки. Их обычно собирают на корм свиньям.

Ивон все же взяла одно яблоко, надкусила и скривилась. Вкус плода оказался на удивление мерзким: терпким, вяжущим, с горьковатым послевкусием, которое никак не желало исчезать.

Рыночные ряды тянулись в гору.

— Посмотрите туд, — Коснер тронул Ивон за рукав, когда они оказались на вершине холма. — Видите, там заполняются товаром и провиантом обозы и караваны.

Внизу, на широкой площади, кипело настоящее торжище: десятки повозок, навьюченных мешками и бочками, теснились у длинных каменных складов, а бородатые возницы перекликались грубыми голосами, разгружая товар. Ивон с удивлением заметила, что многие подводы украшены знакомыми гербами саторианской знати.

— И что отсюда везут? Почему так много подвод?

— Везут все. Вон в тех бочках наверняка знаменитое местное виноградное вино, а в тюках зерно, травы, овощи и фрукты.

— Я хочу подойти ближе.

Ивон рванулась вниз по дороге, но Коснер успел перехватить ее за локоть.

— Нет, Ваше Высочество, нам уже пора в путь.

— Не хочу!

— Посмотрите наверх. Надвигается снежная буря.

Ивон задрала голову и остолбенела: небо опустилось, потемнело, накрыло вершины гор плотными черными облаками. Они возвращались быстрым шагом. Пробегая по рынку, Ивон видела, что большинство прилавков опустело. Продавцы укрывали товар, грузили его на телеги, тоже торопились спрятаться.

В постоялом дворе, казалось, ничего не изменилось. Роден, увидев принцессу и Коснера, облегченно вздохнул и бросился к ним.

— Госпожа, нам пора в дорогу.

— Там же надвигается буря, — заслонил Ивон собой полковник. — Разве не разумнее будет ее переждать здесь?

— Я выполняю приказ!

— Твой приказ — доставить госпожу в целости и сохранности в храм Солнца, а не убить ее.

— Это только предвестники бури, — сказал хозяин постоялого двора. — Да и до храма час пути, вы успеете.

Уже несколько минут он стоял рядом, прислушиваясь к разговору. По его встревоженному лицу Ивон поняла, что он просто мечтает избавиться от «нечистой». Ее присутствие в постоялом дворе угрожало самому существованию этого заведения.

— Мы выезжаем.

— А завтрак, Ваше Высочество! — закричала Гита.

— Перекусим в дороге.

Собирались быстро. Няня носилась с корзинками, бутылками, грелками и жаровнями, Ивон стояла у окна, размышляя. Эйнах так и не дал о себе знать. Что-то явно случилось, понять бы, что, чтобы подстраховаться. Оставалась надежда, что Арагон, выполнив необходимые обряды прощания, приедет к ней.

Воспоминание о муже наполнило сердце теплом. Принцесса вышла из зала следом за Коснером и сразу задохнулась от ледяного ветра, ударившего в лицо. Она плотнее запахнула плащ, забралась в экипаж и посмотрела на встревоженную Гиту.

— И куда нас везут? — ворчала та. — Что за не приветливая страна, ты же жена ее правителя! Что за непочтение!

— Не ворчи, моя старушка, — Ивон ласково похлопала Гиту по пухлой руке. — Все будет хорошо.

Но хорошо не было. Под ураганными порывами ветра карету раскачивало так, что угли из жаровни разлетались. Пришлось ее погасить, чтобы не случился пожар. Крики погонщиков и солдат конвойного отряда доносились сквозь вой урагана. Колеса проваливались в невидимые ямы, соскальзывали с обледенелых камней, и каждый раз, когда экипаж кренился особенно сильно, Гита вскрикивала и хваталась за образец, висевший у нее на шее.

— Господи, спаси и сохрани! — бормотала няня, крестясь мелко и часто.

Ивон молчала. Она сидела, вцепившись обеими руками в кожаный ремень, пришитый к стенке кареты, и старалась дышать ровно, хотя каждый толчок отдавался в позвоночнике, а сердце колотилось где-то в горле.

Глава 6

Кошмар казался бесконечным. Снаружи, сквозь вой ветра и свист снега, прорывались отрывистые команды. Голос командира Родена, злой и надрывный, пытался перекрыть стихию. Кони ржали, экипажи скользили на обледенелой дороге, кто-то матерился в темноте. Вдруг раздался глухой удар, словно они наткнулись на препятствие, и карета замерла.

— Что это? — испуганно вскрикнула Гита и сжала пальцы Ивон.

— Сейчас узнаем.

Она открыла окно и отпрянула: огромная ветка прорвалась внутрь, чуть не задев принцессу по лицу.

— Ваше Высочество, — в экипаж заглянул Коснер. — Беда. Дальше нам придётся добираться пешком.

— А что случилось?

— Вы только не волнуйтесь.

— Говори!

— Карета съехала с дороги, ударилась задком о дерево и повисла колесами над пропастью. Кони не могут ее вытащить.

— Повисла? — закричала няня. — И мы сейчас упадём?

— Нет, солдаты конвойного отряда удерживают ее на весу, я помогу вам выйти. Осторожно, не делайте резких движений.

Коснер протянул руку Ивон, и та, цепляясь за дверную раму, шагнула на шаткую подножку, с которой солдаты помогли ей спрыгнуть на твердую землю. Гита выбралась следом с гораздо меньшей грацией. Няня повисла на руках двух стражников, взвизгнула, когда нога соскользнула с обледенелого камня, и плюхнулась в сугроб, но тут же вскочила, отряхиваясь и крестясь.

Несколько минут они ждали, пока охранники распрягут коней и соберут вещи, а потом пошли в гору. Снег хлестал по лицу так сильно, что приходилось идти почти вслепую, а ноги то и дело разъезжались на ледяных выступах. Ивон почти ничего не видела, кроме силуэта Коснера, шагавшего впереди.

— Далеко ли до храма? — перекивая завывания ветра, спросила она.

— Нет, он рядом. Неудача случилась почти у самой вершины. И откуда на дороге взялся тот камень, ума не приложу.

Подозрение зашевелилось в душе Ивон. Слишком трудно складывалось ее возвращение в Саторию, словно кто-то невидимый намеренно управлял ее судьбой. Хотелось думать, что это принц Бриан постарался, но она сама не верила в свою догадку. Слишком незначительная она величина в глазах дяди Арагона, чтобы идти на такие сложности.

«Неужели это мать Арагона? — размышляла Ивон, с трудом переставляя ноги и цепляясь за торчащие из скал коряги. — Но зачем? Не проще ли меня убить? Нет принцессы Игиари — нет и проблемы. Ее сыночек свободен, может жениться».

Под ураганным ветром, который норовил сбросить их с узкой горной тропы, Ивон и ее спутники двигались вперед. Гита потеряла по пути корзину с провизией, теперь всхлипывала и бормотала проклятия:

— Куда мы идем? Генерал хочет нас убить? За что? Будь проклята эта страна! Чтоб ей пусто было!

Наконец они оказались на широкой площадке, обдуваемой со всех сторон ветрами. Сквозь пелену снега принцесса разглядела впереди темное большое пятно. По остроконечным шпилям, пропадавшим во мгле, она догадалась: это храм.

Но ворота были закрыты. Роден постучал кольцом, висевшим на калитке, — никто не отозвался. Тогда командир принялся колотить в створку изо всех сил, но и эти усилия не принесли результата.

— В чем дело? — поинтересовался Коснер. — Нас не хотят пускать?

— Не знаю, — пожал плечами Роден. — Храм заброшенный, может, никого там и нет.

— Как нет? — закричала Гита. — Да ты издеваешься?

Она оттолкнула командира и заколотила каблуками по калитке. Та грохотала, тряслась, но не открывалась.

Тогда Коснер подошел к высокой каменной стене, оглядел ее и покачал головой — перелезть через нее под таким ветром нечего было и думать. Ивон подняла воротник, пряча лицо от снега, и хрипло спросила:

— Неужели нас никто не слышит?

— В сторону! — крикнул Роден.

Ивон оглянулась: один солдат конвоя раскручивал какую-то веревку. Вот она взлетела, и перед глазами принцессы мелькнули железные крючки. Они зацепились за край каменной ограды. Солдат повис на ней, проверяя прочность, и отпустил.

Лестница! Это была обычная веревочная лестница, по которой воин ловко забрался наверх и перекинулся на другую сторону. И почти сразу раздался скрежет отодвигаемого засова. Стуча зубами от ледяного холода, Ивон и Гита вошли во двор. Он встретил их тишиной и полным запустением: ни единого огонька в окнах, ни одной живой души на заснеженных дорожках.

— Ты куда нас привел, ирод? — Гита с кулаками набросилась на Родена. — Погибели нашей хочешь?

Она так колотила командира, что тот едва успевал защищаться. Солдаты с трудом оттащили от него няню. Ивон тоже подбежала к ней, обняла, прижалась всем телом.

— Нянюшка, дорогая, хватит, успокойся! — она повернулась к Родену. — Я не знаю, что здесь случилось, но сначала нам надо согреться. Прикажите затопить печи.

— Печи? Если они тут есть, — вскрикнула Гита и показала рукой на дом. — Смотрите!

Ивон пригляделась и вздрогнула, увидев черные провалы дверей и стены, покрытые ледяной коркой. Она почувствовала, как по спине побежали мурашки: этот храм давно покинули люди.

И тут не выдержал Коснер. Лицо его перекошилось, и в следующий миг клинок полковника уже прижимался к горлу командира конвоя.

— Ты завел нас в ловушку, Роден? — прорычал Коснер, сверля того глазами. — Где люди? Где обещанный храм?

— Я не знал! — выдавил Роден. — Клянусь, я не знал!

Конвоиры тут же натянули луки, нацелились в спину Коснера. Обстановка накалилась до предела. В темноте, в центре бушующего бурана, несколько усталых путников готовы были уничтожить друг друга; казалось, еще миг — и прольется кровь.

— Стрелять буду! — крикнул кто-то из солдат.

— А я вашего командира раньше зарежу! — огрызнулся полковник, не убирая меча. — Хочешь проверить?

— Хватит! — голос Ивон прозвучал негромко, но в нем было столько стали, что все замерли. — Уберите оружие. Оба.

Она шагнула между ними, подняв руки.

— Роден не лжет. Посмотрите на его лицо: он сам в шоке. А ты, Коснер, отпусти его. Сейчас не время выяснять, кто виноват. Вы хотите умереть здесь бесславно?

Полковник колебался секунду, потом с рычанием убрал меч. Роден отступил на шаг, потирая шею. Ивон перевела взгляд с одного на другого и сказала спокойно, будто не было ни угроз, ни натянутых луков:

— Живо все в храм! У меня зуб на зуб не попадает от холода. Там хотя бы ветра нет. Ищем комнаты с каминами и дровами. Мы с Гитой одни не справимся, — она кивнула на заметенную снегом няню. — Через час всем нужно тепло. Выполнять.

Никто не шевельнулся. Тогда Ивон повернулась к Родену и приподняла бровь.

— Я сказала: выполнять! Или ты смеешь ослушаться жену будущего короля Сатории?

Командир махнул рукой, и конвоиры опустили луки. Ивон взяла у одного из рук факел и первой зашла в храм. Ее шаги отдавались гулким эхом в огромном, пустом зале. У задней стены она заметила алтарь, приблизилась и вздрогнула: статуя огромного бога Солнца возвышалась до самого потолка.

— Жуть какая! — проворчала Гита. — Ты на его глаза посмотри, моя девочка. Будто живые.

Ивон подняла факел выше и невольно поежилась: казалось, статуя следит за каждым ее шагом неподвижным взглядом блестящих черных глаз.

— Здесь давно никого не было, — сказала она и огляделась.

Погребальные факелы давно погасли, их обугленные головни торчали из железных держателей. У алтаря она заметила стойку для свечей, но все они давно догорели до конца, оставив после себя лишь лужицы застывшего воска да черные фитили, похожие на крошечные обугленные пальцы.

Ивон поднесла факел к огаркам и зажгла их один за другим. Зал осветился, на полу заплясали тени, но стало веселее.

— Нашел!

Из боковой двери выбежал молоденький конвоир. Его юное лицо сияло от счастья.

— Что ты нашел? — бросилась к нему Гита.

— Комнату верховного жреца. В ней есть камин и даже убранство.

— Да ты молоток! — няня хлопнула паренька по плечу так сильно, что тот присел. — Веди меня!

Все разошлись по боковым коридорам храма. Ивон осталась в молельном зале одна. Тишина стояла такая, что треск разгоревшихся свечей казался оглушительным. Еще и ветер гудел где-то под высокими сводами, завывая в невидимых щелях.

Она медленно брела вдоль стен, разглядывая их и гадая, почему это священное место покинуто людьми? А главное, зачем ее отправили именно сюда. Кто и какие обряды очищения ей проведет? Да и проведет ли вообще?

Стены зала были сложены из грубого серого камня, но кое-где на них еще угадывались остатки фресок: бледные, осыпающиеся лики богов, чьи глаза смотрели в никуда, потому что краска давно облупилась. Местами сохранились золотые нимбы, тускло мерцавшие в полумраке. Ивон провела пальцами по холодной поверхности и почувствовала подушечками неровности.

Принцесса сделала круг и вернулась к алтарю — массивной каменной плите на толстых ножках, на которой не было ни единого украшения, ни покрывала, ни жертвенных даров. В центре виднелось темное пятно, похожее на засохшую кровь. На полу лежала аккуратно сложенная, словно после стирки и глажки, стопка одежды, покрытая густым слоем пыли. Рядом валялась перевернутая масляная лампада.

Ивон невольно содрогнулась. «Здесь давно никто не молился», — поняла она. — И никто не собирается проводить никаких обрядов. Я пленница в изгнании».

— А-а-а...

Донесся далекий крик. Он шел откуда-то из глубины дома. Жар удушливой волной хлынул в кровь, заставил учащенно забиться сердце. Ивон сорвалась с места, забежала за алтарь, схватила тяжелый подсвечник и подняла его над головой.

— Ваше Высочество, Ваше Высочество!

Из бокового прохода выскочила Гита, а за ней вывалился перепуганный юноша-конвоир. Толстушка остановилась, держась за грудь и тяжело дыша, в ее глазах светился ужас.

— Что еще случилось? Но сначала успокойся и отдышись.

Ивон старалась говорить тихо, без нервозности, зная натуру няни, но внутри все сжалось от неприятного предчувствия.

— Здесь везде трупы... везде... все умерли... все...

Глава 7. Арагон

Арагон спал. Спал так, словно решил отоспаться за все годы проведенные на полях сражений в напряжении и вечной тревоге. Иногда он открывал глаза, смотрел сквозь туман на потолок, пытался даже встать, но сон снова валил с ног. Сознание не работало, не было ни мыслей, ни вопросов, ни ответов.

Просто спал, и все!

Иногда приходили видения. В них все время рядом находилась красивая девушка. Она разговаривала с ним, расчесывала его волосы, прохладной салфеткой омывала лицо и руки. Арагон был благодарен ей за заботу, чувствовал даже влечение, но пошевелиться не мог.

Сегодня он открыл глаза и долго не мог понять, почему так тихо. Тишина стояла такая, что слышно было, как за окном позванивает сосулька на ветру.

Он приподнялся на локтях. Голова больше не гудела, только глухо ныла в затылке. Комната — его детская спальня сейчас выглядела иначе. Исчез балдахин с ангелами с кровати, на стенах висели портреты мужчин в военной форме и женщин в роскошных платьях.

У стены появился диван, обитый нежно-голубым бархатом. Его витые ножки и подлокотники были сделаны в виде лап льва. Рядом с ним — стойка с оружием. Со своего места генерал прекрасно видел военный меч, когда-то выкованный в кузнице Алании и прошедший с ним огонь и воду сражений. На крючке висел королевский лук, служащий больше для украшения и устрашения, чем для боя. Сделанный из тяжелого железного дерева, он казался неподъемным.

Арагон скосил глаза: у противоположной стороны кровати на тумбочке стояла чашка из тонкого фарфора. Плед, которого он раньше не видел, укрывал его плечи поверх одеяла.

Ни макета расположения войск, ни длинного стола для совета, ни карт, ни донесений, ни книг. Ничего!

«Что я здесь делаю? — всплыл первый вопрос. — Там же идет война. Я ранен? Умер? А кто командует армией?»

Он сел, свесил ноги с кровати. Пол был холодным, и тело мгновенно покрылось мурашками. Он потер лицо ладонями. Пальцы скользнули по жесткой щетине — сколько же он проспал? День? Два? Больше?

Странно, но он чувствовал себя отдохнувшим. Не выпавшимся — именно отдохнувшим, как будто кто-то вынул из него всю усталость и боль

— Есть кто? — спросил он хрипло. — Коснер, Нестор, живо ко мне!

Никто не ответил, но в воздухе витал чужой, сладковатый, слишком навязчивый для мужских покоев, запах. Этот тяжелый аромат, казалось, пропитал все вокруг, даже его кожу. Арагон поморщился, поднялся, пошатываясь, дошел до окна и отодвинул штору.

Снаружи была ночь. Шел снег. Снежинки медленно кружились в воздухе и оседали на выступах, на колоннах, на чаше фонтана внизу.

Арагон огляделся, Не нашел стойку с одеждой и вышел в коридор, как был, в одной ночной рубашке, и босиком. Не голый, и ладно! Боевому генералу не пристало думать о приличиях.

На стене горел одинокий светильник, но его света было достаточно, чтобы генерал дошел до следующего зала. К нему бросился растерянный юный слуга, безбородым и гладким лицом, напоминавший евнуха. Правда, на нем было надето другое одеяние, и Арагон не распознал его, так как давно не был во дворце.

В глазах плескался страх, паренек все время оглядывался, словно искал кого-то.

— Ваше Высочество, вы проснулись? Какое счастье!

— Счастье? — Арагон растер лицо. — Погоди, а сколько я спал?

— Так, месяц уже минул с тех пор, как вы вернулись с победой домой.

— Месяц?

Генералу показалось, что его огрели булавой по голове, он даже пошатнулся. Слуга кинулся к нему, подхватил под руку, повел обратно в спальню. В двери Арагон вырвал руку, оттолкнул юношу.

— Я туда больше не пойду!

Он быстро зашлепал обратно, но ноги внезапно подкосились, и он упал на пол, больно ударившись ягодицами.

— Но... Ваше Высочество...

— Ваше Сиятельство, — поправил его Арагон и протянул руку. — Помоги. И титул принца я не получал.

— Но как же...

Мальчишка помог ему встать, подвел к дивану, усадил. Потом бросился в спальню, принес плед, но Арагон отбросил его.

— Найди что-то другое.

Слуга растерянно огляделся, сорвал с круглого стола, стоявшего в углу, скатерть и накинул ее на плечи Арагона. Скатерть пахла мылом, травами, но того удушливого сладкого запаха, от которого кружилась голова, генерал не чувствовал.

Он вздохнул облегченно, с удивлением наблюдая за евнухом. Мальчишка ухаживал за ним так, словно он был тяжело больным или раненым. Но никакого физического увечья Арагон не чувствовал: просто слабость. Да и неудивительно: он же месяц пролежал в постели. Но почему?

— Я сейчас позову хранителя ваших покоев.

Слуга сорвался с места, но Арагон успел схватить его за рукав.

— Куда? Стой! Мне никто не нужен. Отведи меня в купальни, хочу смыть с себя грязь, пропах потом как скунс.

Он поморщился. Мальчишка пошевелил кончиком носа, словно принюхивался.

— Да вроде бы...

— Выполняй приказ! Только...

Генерал приложил палец к губам и встал. Он замерз и чувствовал, как холод пробирает до костей. А еще он хотел остаться наедине с евнухом и расспросить его с пристрастием о событиях, которые его, боевого генерала уложили в постель, да так, что он ничего не помнил.

Арагон погрузился с головой в горячую воду, задержал дыхание. Хотелось прочистить голову, вернуть воспоминания. Как он мог проспать целый месяц? И вообще, как оказался во дворце, когда еще недавно был на поле боя? Он хорошо помнил последнее сражение, бабушку, приехавшую в военный лагерь под Кобурном.

«Мальчишка сказал, что я вернулся с победой домой, — думал генерал. — Почему я этого не помню? И какая победа, если мы не договорились с королем Ильмаром о перемирии? Его старшая дочь не явилась в лагерь на свадьбу, а король...»

Вот здесь в голове был провал. Бездонная пустота, которая звенела в ушах, но не давала ответов. Воздуха не хватало. Казалось, легкие сейчас разорвутся от желания вдохнуть.

Он вынырнул, с шумом отфыркался и посмотрел на слугу.

— Рассказывай!

— Ч-что? — заикаясь, спросил мальчишка.

Он дрожал, боялся посмотреть на генерала и постоянно оглядывался на дверь. Чувствовалось, что в эту ситуацию он попал случайно и теперь не знал, как из нее выбраться.

— Все! Что случилось за время, пока я спал? Как я оказался во дворце в своей детской спальне? Где мои помощники? Где Нестор и Коснер?

— Я... я не уполномочен. Я... не знаю. Я только фонари зажигаю на стенах. Простите меня, Ваше Высочество!

Паренек упал на колени и ударился лбом о пол. Арагон посмотрел на него удивленно, а в голове все мысли сбились в кучу. Надо было как-то разговаривать мальчишку, но, опасаясь за свою жизнь, тот скорее всего ничего не скажет.

— Хочешь стать моим личным слугой?

— Личным слугой?

Юноша поднял голову, впервые в его глазах мелькнула не паника, а заинтересованность.

— Да. Как тебя зовут?

— Рейн.

— Красивое имя. Рейн, я сделаю тебя личным слугой при условии, что ты расскажешь мне все, что произошло за последний месяц. Начни с того, как я оказался в Сатории?

— В-война закончилась, — пролепетал Рейн.

— Отлично! И каким же образом? Король Ильмар сдался?

— Н-нет...

— Не мямли, говори яснее! И... вымой мне голову.

Слуга вскочил, погрузил руки в волосы генерала и начал осторожно массировать кожу мыльной пеной. Делал это неумело, дергал пряди, пугался, извинялся, но Арагону нужно было переключить его внимание, успокоить, поэтому он терпел.

— Я никогда не помогал знати, — бормотал мальчишка в свое оправдание. — Простите, я не умею.

— И что дальше? Даже если закончилась война, я не мог так быстро покинуть поля сражений. Нужно установить на захваченных землях свою власть. Приграничный город не желал сдаваться.

— Он теперь наш. Полковник Радмир стал губернатором.

— Кто? — Арагон резко развернулся, оставив в пальцах слуги несколько прядей.

— Простите! — завыл тот и снова бухнулся на колени. — Я заслуживаю смерти!

Генерал встал в лохани, схватил за шиворот мальчишку и хорошенько встряхнул. Тот взглянул на голого господина, испуганно взвизгнул и зажмурился.

— Рассказывай дальше.

Арагон опустил в воду. В голове не укладывалось то, что он услышал. Не мог он своей властью сделать Радмира губернатором, бабушка тем более.

— А где мои помощники? Полковники Нестор и Коснер.

— Господин Нестор в тюрьме.

Генерал напрягся, внутри образовался тяжелый комок, который все разрастался и давил на сердце.

— А Коснер?

— Я не знаю. Я никогда его не видел.

— И кто сделал вождя Радмира губернатором? Королева Элеонора?

— Н-нет.

Паренек был в панике. Его тело сотрясало от крупной дрожи, зубы выбивали чечетку. Казалось, еще немного — и он хлопнется в обморок.

— Слушай, — Арагону хотелось выколотить из слуги ответы тумаками, но он медленно выдохнул, подавив эмоции, и продолжил: — Рассказывай все. Не бойся. Я приму любую правду. Только так я смогу понять, что мне делать.

Рейн сделал шаг назад, обернулся на дверь, понял, что побег не спасет его от возмездия, и начал рассказывать. Так, Арагон узнал, что бабушка умерла, а страной управлял временный регентский совет под предводительством принца Бриана.

Когда слуга замолчал, генерал даже не пошевелился. Он сидел в уже остывшей воде, не в силах принять реальность. Новость о смерти королевы Элеоноры оглушила, выбила на миг почву из-под ног.

— Но как я достиг такого быстрого мира? — наконец выдавил он из себя вопрос. — И почему столько времени провел в постели? Я был ранен?

Он снова встал, оглядел свое тело, но ничего, кроме старых шрамов, не увидел. В сознание медленно начала проникать догадка, и ему вовсе не нравилось, какое подозрение рождалось в голове.

— Я не знаю. Я маленький слуга, меня не посвящают в новости двора.

— Но ты же мог что-то слышать от других слуг.

— В ваши покои никого не допускали.

— А кто зажигал свечи в моей спальне?

— Сие мне неведомо, простите, Ваше Высочество. Я оказался в той части дворца случайно.

— Почему ты меня второй раз называешь этим титулом?

— А разве неправильно?

Арагон опустил веки. Нет, так он ничего не добьется. Нужна информация, но, учитывая, что его месяц держали в полусонном состоянии, присвоили ему титул наследного принца, а страной управлял дядя Бриан в качестве регента, разобраться в этой каше событий можно было только хитростью.

— Кто ухаживал за мной?

— Ваша невеста, — с готовностью ответил слуга. В его голосе прозвучало восхищение. — Она такая красавица!

— Невеста? — вот тут Арагону стало по-настоящему плохо. — К-какая невеста? Принцесса Медея все же согласилась на брак?

— Нет, что вы! Я даже не знаю такую. За вами ухаживала барышня Амелия.

Топот множества ног донесся из коридора, а следом раздались и крики. Арагон вскочил, притянул за шиворот мальчишку к себе и зашептал ему на ухо.

— Ты меня не видел. Понял? — тот отчаянно замотал головой. — Я сам тебя найду. Читать умеешь?

— Н-нет... д-да... немного...

— Если что, оставлю тебе записку в рожке для светильника в том холле, где мы встретились.

Прыжком он выбрался из лохани, обмотался простыней и бросился в проход за камином.

Глава 8

Услышав слово «трупы», Ивон остолбенела. Она схватила тяжелый подсвечник и повернулась к той стене, откуда неслись крики, готовясь отразить нападение, если возникнет необходимость. В молельный зал вбежала Гита с круглыми глазами, а за ней вылетел маленький конвоир.

— Что случилось? — бросилась к няне принцесса. — Ты же сказала, что нашла мне покои.

— Д-да, нашла, а когда заглянули в трапезную...

Гита судорожно всхлипнула и закрыла рот ладонями.

— Что там увидела?

Ивон встряхнула за плечи няню, но та зашлась в истерике. Тогда принцесса посмотрела на конвоира.

— Т-там, т-там... — заикаясь, пытался рассказать он, но не мог.

— Я тебе сейчас двину! — прошипела Ивон и замахнулась подсвечником.

— Простите, госпожа, простите! — завыл юноша и зачастил скороговоркой: — Мы поднялись, увидели большие покои. Там была кровать, стол, образа, молельник...

— Я все еще хочу тебя стукнуть!

— Мы вышли из комнаты, попали в трапезную, а там...

— Там все сидели за столом... мертвые... — завывала Гита.

Ивон прикрыла веки. Только этого для полноты жизни ей и не хватало. Голова внезапно закружилась. Принцесса оперлась на стену и тут же испуганно отдернула руку. Конвоир бросился на помощь. Их так и застали Коснер и командир, прибежавшие на крики. Полковник оттолкнул солдата, сам взял Ивон за талию и отвел ее к скамье у алтаря. Выслушав рассказ конвоира, Роден отдал приказ убрать мертвые тела из храма.

Ивон наблюдала за тем, как выносили тела. Она насчитала десять трупов, одетых в облачение жрецов. Седовласый старец сжимал в ладонях маленький серебряный колокольчик, намертво прикипевший к почерневшим пальцам. Может, звонил до самого последнего мгновения, звал на помощь, так никем и не услышанный. А может, просто собирал послушников на трапезу.

Трупы сложили в боковом флигеле, подальше от глаз.

— Как думаешь, сколько времени они уже мертвы? — тихо спросила Ивон у Коснера.

— Трудно сказать. В горах зима наступает раньше. Тела почти не разложились, немного усохли, и все. Возможно, три недели прошло или месяц.

— Или их обработали специальным снадобьем, — неслышно подошел Роден.

Ивон вздрогнула от грубого голоса и покосилась на него.

— И вы не знали, куда нас везете?

— Я получил распоряжение лично из рук правителя, а его указы не обсуждаются.

— Какой еще правитель? — вскинулся Коснер. — Его Высочество принц Арагон Сато-рианский только вчера прибыл в столицу, и никаких указов он не издавал.

— Ну, после смерти королевы собрался регентский совет...

— Что же нам делать? — остановила назревавший скандал Ивон. Она дрожала не только от холода, но и от ужаса. — Вы осмотрели покойников?

— Да. На них нет никаких повреждений.

— Какая же болезнь убила этих людей и насколько она опасна?

— Это мог быть и яд, — возразил Роден.

— Кому понадобилось травить кучку монахов, несущих пост высоко в горах? И какой смысл был отправлять меня сюда для очищения?

— Сие мне неизвестно, — поклонился Роден.

— Мы возвращаемся в город, — заявил Коснер.

— Ночью? В пургу? Это самоубийство.

— Но и оставаться здесь нельзя.

— Уже все равно, — тихо сказала Ивон. — Если в этих стенах живет смертельная болезнь, мы все могли заразиться.

Принцесса растерянно посмотрела на свои руки. Кроме подсвечника, она еще прикасалась к алтарю, к стене, трогала дверную ручку. Остальные и того больше. Этого было достаточно, чтобы заразиться. Оставалась призрачная надежда, что морозы убили опасную болезнь.

— Бог Солнца! — внезапно раздался душераздирающий вопль.

Все испуганно обернулись, Роден выхватил меч:

— Что за?

Няня Гита стояла на коленях перед статуей и выла в голос.

— Владыка наш, Светлый и Животворящий! Зачем ты отвернулся от этого святого места, почему позволил тьме и смерти поселиться в твоём доме? — причитала она, простирая дрожащие руки к безликой каменной глыбе. — Открой нам, грешным, что здесь стряслось, защити и помилуй, ведь мы не ведаем, куда ступаем и кому молиться в твоей опустевшей обители!

Конвоиры, закончившие работу, толпились у входа в молельный зал. Они тоже не знали, что делать, и смотрели на своего командира, ожидая приказа.

— Нянюшка, не надо!

Ивон кинулась к служанке, помогла ей встать, обняла и тоже всхлипнула. Она устала, просто с ног валилась от слабости и головокружения. Ее чувства притупились, навалилось какое-то равнодушие.

— Ваше Высочество, — Коснер тронул Ивон за рукав. — Вам надо отдохнуть.

Она встряхнулась, окинула взглядом всех и вдруг приняла решение.

— Всем надо отдохнуть. Господин Роден...

— Да, принцесса, я провожу вас в покои.

— Насколько хорошо защищены жилые комнаты жрецов?

— Они находятся в башне, оттуда открывается неплохой обзор. Видна вся территория и даже лес за оградой.

— Вы сумели затопить камин?

— Работаем, — неуверенно ответил Роден.

Он посмотрел на огромного солдата, тот бросился к двери.

— Значит, все переночуем в одном помещении.

— Но... как же... Мы не можем...

— Можем! — жестко сказала Ивон. — Мы оказались в ловушке. Вместе и будем из нее выбираться. Мы должны продержаться здесь сорок дней, чтобы меня не обвинили в нарушении закона.

Солдаты проверили засов на воротах и тщательно заперли все двери. Ивон поднималась следом за мужчинами, за ее спиной тяжело дышала Гита. Было страшно. В свете факелов принцесса видела только высокий сводчатый потолок, который терялся в темноте, да стены из грубого камня, дышавшие холодом.

Поднявшись, они попали в трапезную, где возле камина возился здоровяк-солдат. Огонь едва теплился, словно дрова в топке не желали разгораться. В центре помещения темнел массивный обеденный стол, заставленный тарелками с остатками засохшей еды, кубками и кувшинами. На полу валялись огрызки, обглоданные кости, корки хлеба.

Ивон передернулась от омерзения и подалась назад. Перед глазами появилась картина: люди, сидевшие здесь, принимали последнюю в своей жизни трапезу, разговаривали, смеялись, молились.

А теперь и ей придется принять на себя ту же участь? Жить здесь, прикасаться ко всему, терпеть лишения, возможно, бесславно умереть...

Разве для этого она родилась на свет?

Да ни за что!

Ивон оттолкнула Гиту и помчалась по лестнице вниз, едва сдерживая рвущийся из груди крик.

И тут же услышала за спиной топот множества ног. Первым ее нагнал Коснер. Он схватил ее сзади за плечи, крепко обнял и удержал, приговаривая:

— Тихо, моя госпожа, тихо! Все наладится, вот увидите! Генерал обещал приехать, а он всегда держит обещания.

— Два дня прошло. Два! — с силой выкрикнула Ивон. — На быстром коне он меньше потратит времени на дорогу. И где он? — она резко развернулась и уставилась снизу вверх на Коснера. — Скажи мне, где твой генерал, а мой муж?

И столько боли было в ее груди, столько отчаяния, что, казалось, она заразила этими чувствами Коснера, Родена и даже конвоиров, столпившихся вверху на ступенях. Их лица побледнели, а взгляды стали виноватыми и потерянными. Она понимала, что они не могут дать ответа на ее вопросы, прекрасно понимала, но все же...

— Пустите меня к моей девочке! Пустите!

Гита тараном прошла сквозь строй солдат, оттолкнула Коснера и схватила Ивон в объятия. — Живо приведите трапезную в порядок!

— Простите, еще не успели убрать, — первым очнулся Роден.

Он кинул сердитый взгляд на солдат, и те мгновенно засуетились.

— Ах, оставьте, — вяло махнула рукой Ивон. — Все можно сделать завтра.

— Нет, сейчас! — заявила Гита решительно.

Ивон невольно улыбнулась. Паника схлынула, на сердце стало тепло. Ее няня могла быть весьма грозной и представительной, если опасность грозила ее питомцу. Принцесса чувствовала себя под надежной защитой.

— Все прошло, не волнуйся. Это был просто приступ паники.

Она сжала пальцы Гиты и потащила ее наверх. Теперь в трапезной было чисто. Роден бросился к ней и показал рукой на темную дверь в центре.

— Вам сюда, принцесса.

Только сейчас Ивон заметила, что от трапезной веером расходились двери в кельи монахов. Они были распахнуты и пугали чернотой.

— Мы все проверили, в храме, кроме нас, никого нет. Вам сюда, — добавил Коснер.

Он привел Ивон в самую большую келью. Здесь стояла не только узкая кровать, но и скамья у противоположной стены, стол, кресло в углу. На столе лежали книги, а на стене висели образа с ликами богов. Пахло ладаном, свечами и дымом костра. Ивон поморщилась.

— Почему здесь такой запах?

— В храме устроена система воздухопроводов, от камина тепло поступает по трубам в кельи.

Роден поднял руку, и Ивон увидела круглое отверстие, из которого тянулся легкий дымок.

Дымок!

Озарение накрыло с головой. Она вздрогнула и выскочила в трапезную. Остальные выбежали за принцессой. Она металась по залу, рассматривая трубы и камин.

— Факел, дайте мне факел! — закричала в исступлении.

Коснер и Роден переглянулись, но протянули ей факел.

— Ваше Высочество...

— Табурет, немедленно! И погасите огонь!

Ивон скинула плащ на руки Гиты, ловко взобралась на стул и подняла факел. И сразу заметила то, что искала: чугунную дверцу у задней стенки. Она открыла ее, увидела рычаг, но сколько ни пыталась потянуть его на себя, не хватало сил и роста.

— Принцесса, позвольте мне.

Коснер помог ей спуститься и сам вскочил на стул. Он дергал заслонку изо всех сил, но она не подавалась. Наконец и солдаты догадались, в чем дело. Здоровяк, возившийся у камина, оттеснил полковника и сам привел заслонку в нужное положение.

Дрова в камине, до этого тлевшие тускло и вяло, вдруг вспыхнули ярким алым светом, пламя вытянулось вверх, загудело, будто радуясь свободе, и едкий дым, наконец, перестал сочиться в комнату, потянулся в трубу.

— Угарный газ, — потрясенно сказала Ивон. — Не болезнь убила этих людей — угар.

Потрясенные услышанным, все молчали.

— Странно, — первым засомневался Коснер. — Монахи всю жизнь провели в храме. Не могли они допустить такую глупую ошибку, — он посмотрел на Родена. — С этим вопросом надо разобраться. Опасно ложиться спать, можно и не проснуться.

— Позвольте сказать, — шагнул вперед здоровяк.

— Говори, Ердан.

— Надо осмотреть дымоход.

— Согласен. Вряд ли жрецы сами себе навредили.

Ивон молча наблюдала, как гасили огонь в камине, как маленький конвоир, которого все называли Леем, забрался внутрь с факелом и выбрался оттуда, чумазый, но донельзя довольный.

— Есть! Там механизм. Потоком теплого воздуха, он приводит в движение заслонку, когда горит огонь в камине, — тут он повернулся к Ивон, сверкнул белыми зубами в улыбке и низко склонился перед ней. — Ваше Высочество, я восхищен вами! Отныне я, Лей, ваш раб на веки веков!

— Встань! — растерялась Ивон и кинулась к юноше. — Немедленно!

— Распожайтесь нами, госпожа!

Все конвоиры вытянули перед собой оружие и склонили головы.

— Что вы делаете?

Ивон переводила взгляд с одного на другого, а в глазах стояли слезы. Коснер и Роден тоже удивленно смотрели на нее.

— Да, моя девочка такая. Очень умная и верная, — обняла ее Гита.

— Ну, все! Пора отдыхать! — прервала поток объяснений в любви смущенная принцесса.

Нет, ей, конечно, было приятно получить несколько похвал, но сейчас хотелось только одного: остаться одной и наконец обдумать, что делать дальше.

— Я прослежу за огнем, — сказал здоровяк. — Вы не волнуйтесь, Ваше Высочество.

Но Ивон уже никого не слушала. Ноги подкашивались от усталости.

— Ложись здесь, моя принцесса, — засуетилась няня, устраивая ее поудобнее на кровати.

— А ты?

— Я в кресле. Или на скамье. Мне не привыкать.

Ивон легла, не раздеваясь. Натянула на голову капюшон плаща, чтобы не прикасаться головой к подушке неизвестной свежести, сунула кисти в рукава. Только легла, как провалилась в тревожный и беспокойный сон.

Ей снился Арагон. Он бежал к ней по ромашковому полю, раскинув руки, а впереди перебирал маленькими ножками малыш и радостно смеялся. Вот генерал догнал ребенка, подхватил его на руки, подбросил вверх, и ребенок исчез в ослепительных лучах солнца.

Ивон проснулась в слезах. Открыла глаза и снова зажмурилась: настолько безрадостным и унылым было утро. Серый, мутный свет едва пробивался сквозь замерзшее оконце у самого потолка.

Но в келье было тепло, принцесса даже скинула с себя одеяло, которым ее укрыла заботливая Гита, а значит, жизнь продолжается. А пока она жива, она будет бороться. За себя, за Арагона, за свое место в этом мире, которое враги пытаются у нее отнять.

Глава 9

Переполненная бодрыми мыслями, Ивон встала, прошлась по келье. Няня еще спала. Узкая деревянная скамья не позволяла ей расположиться удобно. Пышное тело не помещалось на досках, ноги свисали. Ивон с нежностью посмотрела на нее, укрыла своим одеялом и вышла из кельи.

В трапезной было чисто. Весело играл в камине огонь, на полу у стены дремал сидя здоровяк Ердан. Но стоило Ивон сделать шаг, как он открыл глаза и вскочил.

— Спите, спите, еще рано, — прошептала принцесса. — Вы не видели здесь отхожее место?

— Вон та дверь, — покраснел внезапно солдат. — Но там грязно... и запах.

Ивон растерялась. И как ей, принцессе, жить рядом с неотесанными мужиками? А жить придется, значит, надо наладить скромный быт.

Смущаясь и пылая ушами, она открыла маленькую дверь в углу и вошла. Деревянная дыра в дощатом полу источала такое густое зловоние, что Ивон на миг зажмурилась, зажав нос рукавом, и едва не выскочила обратно. Но тут же приказала себе не капризничать. Это лучше, чем морозить зад на ветру на виду у мужчин.

Она выскочила из отхожего места, обмахиваясь рукавом, влетела в келью и рассмеялась. Даже в таком плачевном положении можно найти что-то смешное.

— Гита, вставай! Я пить хочу и есть.

Она растормошила сонную няню. Та, кряхтя и ворча на неугомонную воспитанницу, села, растирая заспанное лицо ладонями. Гита вышла, Ивон решила осмотреться, хотела заглянуть в молельник, но книга была покрыта таким толстым слоем пыли, что принцесса брезгливо отдернула пальцы.

— Ердан, принеси мне теплой воды и тряпки, — приказала она, засучивая рукава платья.

— Ваше Высочество, мы сами...

— Нет, выполняй приказ! И... — тут она замялась, но все же выпалила: — Приведите в порядок отхожее место. Туда же невозможно зайти!

Через минуту она мыла келью. Хотя раньше уборкой занимались многочисленные служанки, женским чутьем Ивон угадывала, что должна делать, и даже напевала, чувствуя прилив сил.

В очередной раз решив сполоснуть тряпку, она повернулась к лохани и столкнулась с Гитой. Та молча стояла у дверей и смотрела на нее. Не бросилась отнимать тряпку, не накинулась с упреками, а просто стояла с отрешенным видом, а в глазах светилась такая тоска, что Ивон замерла.

— Что? Что еще случилось? — внезапно осипшим голосом спросила она.

— Нам нечего есть.

— В каком смысле — нечего? — не поняла принцесса.

— Закрома пусты. Нет ни зерна, ни мяса, ни рыбы, ни овощей. Ничего!

Ивон уронила тряпку и опустилась на кровать. В голове не укладывалась то, что она только что услышала. Получается, кто-то не только убил жрецов, но и вывез из храма весь провиант. В этих поступках чувствовалась чья-то властная рука. Теперь принцессе стало страшно за мужа. Если так эта страна поступает с ней, неприкосновенной дочерью чужого короля, на браке которой держится шаткий мир, то что она сделает с Арагоном?

Ивон выбежала из кельи. В трапезной собрались все охранники во главе с Коснером и Роденом. Они сидели за столом и тихо совещались.

— Дайте мне стул! — приказала Ивон.

Лей тут же вскочил и уступил свое место. Принцесса села, окинула всех взглядом.

— Я тоже хочу быть в курсе всех дел, — заявила она. — Ваши предложения? Мы можем вернуться в городок у подножия гор?

— Не можем, — покачал головой командир. — Воины клана Варраванов не позволят.

— Какое им дело до опальной принцессы?

— Если принц Бриан станет регентом при Арагоне, — начал Коснер...

— В честь какой радости? Генерал — совершеннолетний наследник престола, не мямля, не неумеха. Образованный, смелый, его уважают в народе. Что может найти подлый принц против моего мужа? Придумает ещё один безумный закон?

— Я не знаю, — Коснер покосился на Родена. — Но, если победит принц Бриан, клан Варраванов придёт к власти. В их интересах не дать вам соединиться с мужем.

— Проще было меня убить.

— Видимо, не проще, — тихо ответил командир. — За вами, моя принцесса, стоит сильная страна. Пусть она сейчас и разорена войной, но все знают, как нежно король Ильмар любит свою младшую дочь, и он точно не даст ее в обиду.

— Хорошо, — согласилась Ивон. — Вернуться мы не можем. Тогда что нам делать? Нас тут, — она осмотрелась и пересчитала присутствующих, — двенадцать человек. Мы должны что-то есть и пить.

— Остается только охота.

— Так в чем проблема?

— Оружие. У нас мало стрел.

— Значит, их надо сделать. И потом, когда мы поднимались в гору, Гита потеряла корзину с едой. Ее можно найти. Еще у нас осталась повозка, которая застряла на краю утеса. Ее тоже нужно вытащить, в ней есть запас зерна и вяленого мяса. Коснер, займись этим. А мы с Гитой обойдём весь храм, заглянем в каждый уголок. Не думаю, что враги тщательно вычистили такой большой дом. Что-нибудь, да найдётся.

Тут она поймала боковым зрением шкаф, стоявший у дальней стены. На его полках теснились какие-то ящички и мешочки. Ивон решительно встала, распахнула его дверки и начала заглядывать в каждый мешочек. Гита бросилась к ней, и через минуту она радостно вскрикнула:

— У нас есть чай.

— И мёд, — добавил Лей.

Он вышел из боковой кельи, сжимая в руках глиняный бочонок.

Напившись горячего чая с медом, все разошлись по храму.

— Пока мужчины охотятся, мы проверим кладовые, — сказала Ивон и направилась к лестнице.

Но, увы, кроме нескольких горстей муки, которые они соскребли с пустых полок, ничего найти не удалось. Зато в глубоком подвале Гита обнаружила еще несколько больших бочонков меда. Разочарованные, они вышли на крыльцо. Часть конвоиров во главе с Роденом ушли на охоту. Ердан остался в храме следить за огнем. Теперь их охранял только Лей, и можно было бы убежать, но бежать было некуда.

— Ваше Высочество, — окликнул Ивон Лей. — Смотрите, что я нашел.

Он протянул ей несколько ранеток. Ивон взяла одно яблоко, надкусила, сморщилась: горько.

И тут неожиданно вспыхнула в голове идея...

«Если сбобрить ранетки медом, будет терпимо, — подумала Ивон и повернулась к Лею.

— Где ты нашел яблоки?

— За храмом сад, — растерялся юноша. — Там много. Но... они же кислые и горькие.

— Покажи!

Ивон и Гита бросились следом за пареньком. Действительно, весь склон за храмом горел красным. Ранетки, еще не собранные людьми и не склеванные птицами, висели на ветвях. Принцесса бросилась к первому дереву, начала срывать плоды.

— Они же несъедобные, зачем они вам? — растерялась няня.

— Есть идея! Помогите мне!

Они заполнили яблоками свои подолы и заплечную сумку Лея. Всё это добро отнесли в храмовую кухню. Ивон приказала затопить печь и поставила на огонь большой таз. Туда же вылила один бочонок меда, и, как только мед закипел, высыпала вымытые и очищенные от семечек ранетки. Ердан, Лей и Гита с удивлением смотрели на принцессу, но беспрекословно выполняли ее приказы.

Когда ранетки стали прозрачными от мёда, Ивон сняла таз с огня, вытащила несколько плодов и разложила их на блюде для остывания. Все смотрели на них голодными глазами, никто первым не решался попробовать. Наконец Ивон взяла двумя пальцами липкую ранетку и поднесла её ко рту. Откусила, зажмурилась и выдохнула:

— Вкусно! Попробуйте!

К приходу мужчин Ивон приготовила целое блюдо медовых ранеток. Мягкие в горячем виде, яблочки, когда остыли, превратились в круглые шарики, блеском глазури похожие на конфеты. Коснер разглядывал их, а Роден удивленно качал головой.

— Ай да принцесса! Вас кашеварить научили в Игиари?

— Как ты разговариваешь с Ее Высочеством? — вскинулась Гита. — Она не твоя подружка!

— Няня, прекрати, — засмеялась Ивон и посмотрела на Родена. — Нет, я готовить не умею, но я много читала, и если жизнь заставит...

Охотникам удалось подстрелить косулю. Они разделали ее, Гита сварила суп, бросив туда горсти муки и травы из шкафчика. Голодные люди ели и нахваливали, но веселья за столом не было. А после чая с медовыми ранетками и вовсе приуныли, ибо обнаружилась новая беда: в храме не было соли. В корзинке Гиты, которую все же разыскал Роден, оказался только крохотный мешочек.

— Нам и на два дня не хватит, даже при самой жесткой экономии, — расстроилась няня. — Может, здесь есть где-то соляные пещеры?

Но конвоиры лишь пожали плечами. Командир вытащил карту, разложил на столе. Невозмутимый и немногословный Роден словно оттаял и принял Ивон и Коснера в свои ряды. Он водил пальцем по пергаменту, но нигде не находил подсказок.

— Раз нет соли, ее можно купить, — решительно заявила Ивон.

— Где?

— На рынке города. Мы не можем туда вернуться насовсем, но можем торговать.

— Чем?

— Мясом, дичью, я видела в саду много птиц, клевавших ранетки, и... — она посмотрела на блюдо с медовыми яблочками.

— Этим? — хором воскликнули мужчины.

— Да, этим. В городке ранетки воспринимают как корм для свиней, а мы сделаем из них конфеты для детей.

— Но как?

Воодушевленная успехом, Ивон уже не могла остановиться.

— Ердан, ты же будешь делать стрелы?

— Да.

— Выточи из щепок маленькие палочки.

— П-понял...

— И надо срочно собрать урожай, пока его не склевали птицы.

Работа закипела. Одни собирали яблоки, другие охотились, третьи колдовали у повозки, пытаясь ее вытащить из провала, четвертые разыскивали сбежавшего коня. Ивон и Гита колдовали на кухне, пытаясь добиться лучшего вкуса плодов. Ердан настрогал целую гору тонких палочек, а Лей отшлифовал их камнем до зеркальной гладкости.

Через три дня у Ивон была целая корзина конфет из ранеток. Она насаживала по три плода на палочку и ставила их вертикально. Увидев такой необычный букет, Коснер только покачал головой.

— Не сомневайся, полковник, — улыбнулась Ивон. — Только принесешь на рынок такую красоту, ее сразу разберут.

Но надежда тут же разбилась о реальность. Повозка упала в пропасть, коня найти не удалось. Спустить с горы корзины с мясом и ранетками на руках оказалось невыполнимой задачей. И, хотя пурга давно прекратилась, без коней и повозки торговля виделась очередным жизненным испытанием.

Ивон собрала всех на семейный совет.

— Давайте составим список самого необходимого, — предложила она.

Лей тут же принес письменные принадлежности, Гита растерла чернильный камень. Ивон обмакнула перо в чернила и задумалась.

— Сначала соль, — напомнила Гита.

— Да, соль. И зерно, овощи.

— А если собрать колоски на полях? — предложил Ердан и смутился.

— Ты думаешь, мы их найдем под снегом?

— У подножия снега нет.

— Разумно. Но кто нас пустит на поля? Клан Варраванов охраняет свои земли.

— Вряд ли сейчас патруль такой строгий. Урожай уже собран.

— Хорошо, теперь торговля. Кто пойдет? — спросила Ивон и замерла.

Нужно выдвигаться рано утром, чтобы найти место на рынке. А унести в руках много не получится, значит, и прибыль будет копеечная. Чем она поможет такому количеству людей?

— Ранетки легкие, — тихо сказал Лей. — Их можно унести много.

— Но и товар необычный. А если никто не будет брать?

— Так, зачем гадать? — Ивон вскочила. — Завтра выходим. Я сама займусь торговлей.

— Ваше Высочество, нет! Вас узнают!

— Не узнают. Я надену платье Гиты, волосы заплету в косу, повяжу платок до бровей. Надо что-то делать, иначе...

Что будет «иначе», думать не хотелось. Пока надежда жива в душе, не все потеряно. А Ивон надеялась, что, спустившись с горы, она сумеет не только продать ранетки и немного заработать, но и узнает новости о муже. Здесь, в храме, они находились будто под колпаком, отрезанные от всего мира.

При воспоминании об Арагоне, сердце сжалось в тоскливый кулак. Что с ним? Как он? Где он? Жив ли вообще?

Глава 10. Арагон

Рассчитывать на записку, которую мог обнаружить кто угодно, не следовало. Это Арагон понял сразу, как только закрыл за собой тайную дверь в купальни. Он посмотрел на темный коридор перед собой, на свет, льющийся в узкую щель между косяком и створкой, и убежать не стал, замер в темной нише у стены.

Еще будучи ребенком, Арагон изучил все потайные местечки родного дворца. Несмотря на огромные расстояния, сады и садики, дворы и дворики, флигели, мансарды и хозяйственные постройки, они с братом излазали все, прячась от нянек и слуг, желая получить вожаделенную свободу. Вот и в купальнях были тайные двери, которые вели в служебные помещения.

Сейчас голому и беззащитному генералу и бежать было некуда, а без информации еще и опасно: поймут и поместят в спальню под принудительный сон. Для дяди это идеальный вариант развития событий: пока наследник спит, принц Бриан примет присягу регента и полностью завладеет властью.

«Вообще удивительно, что я проснулся, — размышлял Арагон, напряженно прислушиваясь. — Явно кто-то из надсмотрщиков плохо отнесся к своим обязанностям».

Вот с грохотом раскрылась дверь в купальни, и, судя, по звукам, они наполнились людьми.

— Что ты здесь делаешь, поганец! — закричал кто-то.

Послышался звук удара, который сопровождался громким плачем.

— Меня послали сюда убраться, — заголосил Рейн. — За что вы со мной так?

Шаги загрохотали у потайной двери. Она резко распахнулась, чуть не ударив Арагона по лбу. Он замер. Прикрытый створкой, он мог какое-то время оставаться невидимым. Но, если стражники решат проверить проход, его сразу обнаружат.

Но стражи только осветили коридор, не стали проходить его до конца и захлопнули дверь. Генерал выдохнул. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук разносится далеко в ночной тишине.

Он подождал, пока все стихнет, и вернулся в купальни. Рейн, увидев его, снова испугался.

— Ваше...

— Ш-ш-ш, — Арагон приложил палец к губам. — Найди мне какую-нибудь одежду и обувь.

Через несколько минут он облачился в скромную униформу евнуха, натянул до бровей шапочку и стал неотличим от Рейна. Разве что был на голову его выше и мощнее в плечах.

— Ваше Высочество, — простонал мальчишка. — Как же вы так?

— Тихо, без паники. Я знаю, что это временное прикрытие, но мне нужно очистить мозги, а в спальне сделать это не получится. Давай, я помогу тебе с уборкой, а потом отведи меня в свою комнату.

— У меня нет комнаты, — Рейн выглядел так, будто вот-вот грохнется в обморок. — Я сплю в коморке на конюшне.

— Вот и отлично!

Никто не обратил внимания на двух слуг, зажигающих фонари в потайных уголках дворца. Никем не остановленные, они спокойно добрались до конюшен, где и упали на продавленный матрас вместе.

Арагон проснулся, когда в крошечное окошко под потолком заглядывало солнце. Рейна рядом не было, но на подоконнике стояла большая кружка молока, прикрытая толстой краюхой хлеба. Никогда еще обычный хлеб не казался генералу таким вкусным. Он с жадностью съел все до крошки, сел и задумался.

Что же делать дальше? Притворяться слугой?

А что это даст?

Поднять восстание? Но с кем? Нестор в тюрьме, а где прячется Коснер, только небесам известно. Генерал закрыл глаза, напряг память, но в голове по-прежнему звенела пустота. Не мог лучший друг бросить его в беде. Не мог! Тогда где он? Что с ним?

Оставался один выход: вернуться в спальню, притвориться форменным дурачком, так хотя бы его не станут укладывать спать. Главное, избавиться от того сладкого запаха, туманящего мозга. А уж потом строить планы по спасению себя и страны от жажды власти принца Бриана.

— Мне нужны союзники, — пробормотал Арагон и вышел из каморки.

Вышел и вздрогнул: конюшня была заполнена людьми. Пока его еще никто не заметил, он схватил лопату и нырнул в первое попавшееся стойло. Гнедой конь испуганно шарахнулся в угол.

— Тихо, малыш, тихо, — Арагон протянул ему пучок сена.

Конь взял подношение мягкими губами и подвинулся. Арагон чистил стойло, прислушиваясь к разговорам.

— Говорят, наш генерал обезумел, — говорил один конюх.

— Врут сволочи! Не мог он!

— Победа голову вскружила.

— Да ерунда все это!

— Тогда почему принц Бриан командует и леди Белинда?

Тут Арагон замер.

— Да кто ж разберет этих правителей. Нам то неведомо.

— А ну, пасти захлопнули все! — прикрикнул грубо кто-то. — Наше дело маленькое. И чтобы я не слышал больше, как вы боевого полководца охаиваете! Наш генерал не только смелый и решительный, еще умный и хитрый. Вон как ловко справился с врагом! Самого короля Ильмара в бараний рог скрутил! А не то, что эти, напудренные господчики с платочками у носа!

— Хорошо тебе, дядька Дормир, так говорить, ты в саторианской армии сражался. А генерала видел?

— Куда там! Где он, а где я. Ну, издалека, впереди всех на Громе скакал, ни стрел, ни мечей, ни копий не боялся. Только доспехи на солнце сияли, да перья на шлеме развевались.

— Ну да, сражался, пока без глаза не остался, — съехидничал кто-то. — Вроде конюхом при обозе был.

— А стрела рази выбирает, в кого бить? Вот и в меня попала. Еле жив остался.

— Эх, жаль скакуна генерала пришлось убить: никому в руки не давался.

— Да, жаль, хороший был конь.

«Грома больше нет? — новость ударила в кровь горячей волной злости. — Гады, да я вас!»

Арагон сжал кулаки и упустил лопату. Та с грохотом упала на пол, ударила черенком по ноге гнедого. Тот поднялся на дыбы и оглушительно заржал.

— Ты, Нурок, языком не мели! Иди, уברי у Серка, слышишь, зовет!

Арагон заметался...

Но спрятаться генерал не успел. Возле стойла загрохотало, калитка открылась, и на пороге появился чумазый коренастый конюх. Он уставился на Арагона непонимающим взглядом.

— А ты кто?

— Да я так... меня прислали в помощь... Я тут недавно...

— Евнух?

— Н-ну...

— На хрена таким красавцам себе причиндалы резать? — брякнул конюх и посмотрел на бедра генерала. Тот с трудом подавил желание прикрыть ладонями причинное место. — Не, бубенцы вроде на месте?

Арагон растерялся, не сразу нашелся с ответом.

— Да я... еще не успел...

— И когда это ваше ведомство своих на конюшню отправляло? — перебил его мужик и, выглянув в проход, крикнул. — Дормир, подь сюды! Тут вор!

— Да какой я тебе вор! — возмутился Арагон и вытер лицо рукавом, перепачканным в навозе. — Конское дерьмо, что ли, хочу украсть?

Но проход между стойлами уже наполнился народом.

«Да что бы вам всем пусто было!» — разозлился Арагон и перехватил лопату понадежнее.

Конюхи разглядывали его с ног до головы и качали головами. Вот они расступились и пропустили вперед огромного детину. Даже в сравнении с высоким Арагоном он казался гигантом. Правая сторона его лица была изуродована, один глаз полностью закрылся веком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.